

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

НИКОЛЯ БЁГЛЕ

ЗАГОВОР

Странное преступление на
острове стало началом
серии загадочных убийств

Лауреат премий
Prix du Polar
des Petits Mots
des Libraires
и Prix du Roman
Populaire

Иностранный детектив

Николя Бёгле

Заговор

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)

Бёгле Н.

Заговор / Н. Бёгле — «Центрполиграф», 2018 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08767-6

Обстоятельства жестокого убийства премьер-министра Катрины Хагебак были настолько странными, что все члены следственной группы пришли в замешательство. Инспектор Сара Геринген – лучший из лучших детективов Норвегии, в самом начале следствия вынуждена была признать, что впервые в своей карьере имеет дело с жертвой, сделавшей все, чтобы уничтожить улики, с помощью которых возможно было найти и предать суду убийцу. Сара была потрясена, придя к необъяснимому выводу: последние минуты своей жизни премьер-министр Катрина Хагебак посвятила защите личности убийцы.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-227-08767-6

© Бёгле Н., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	45
Глава 9	48
Глава 10	51
Глава 11	55
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Николя Бёгле

Заговор

Nicolas Beuglet
COMLOT

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Художественное оформление Е. Ю. Шурлаповой

Серия «Иностранный детектив»

© XOG Editions, 2018.
All rights reserved

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

* * *

*Моим дочерям Жюльетте и Еве.
Пусть ваш мир будет более справедливым.
Моей жене Каролине, на которую скоро ляжет ответственность
выбора, кому посвятить собственную книгу*

Глава 1

Четверг, 6 декабря 2018 года

Сара не успела увернуться от низко растущей ветки, и та хлестнула ее по щеке, но, не обращая внимания на боль, она набрала скорость и проскочила между двумя камнями, сделав резкий выдох. В три прыжка достигла вершины скалистого холма и побежала дальше. Собранные в хвост волосы хлестали ее по затылку. Поворачивая на тропинку, извивающуюся между деревьями, она воспользовалась случаем, чтобы бросить быстрый взгляд через плечо. В ту же секунду из-за кучи камней выскочил мужчина, его взгляд был устремлен на нее. Она инстинктивно опустила руку к бедру, где обычно висел в кобуре НК Р30¹, чтобы выстрелить, но пистолета не было, и она продолжила бег, прибавляя скорости.

Дорожка вела на самую высокую точку острова, и Сару ослепили лучи заходящего солнца. Прикрывая одной рукой глаза от яркого света и веток, уклоняться от которых у нее теперь не было времени, она различила хруст опавших листьев под ногами. Помимо собственных шагов слышались шаги другого человека: преследователь настигал ее. Она взмолилась, чтобы сердце выдержало и можно было еще прибавить скорости, но в любом случае островок был слишком маленьким, чтобы ей удалось оторваться от бегущего за ней. Значит, лучше использовать эффект внезапности.

Она остановилась и резко развернулась в тот самый момент, когда почувствовала, что преследователь потянулся к ней. Схватив за руку, бросила его на землю, на спину.

Переводя дыхание, Сара смерила поверженного противника грозным взглядом, а потом улыбнулась, и уголки ее губ лукаво приподнялись.

Обливаясь потом в своем спортивном костюме, шумно дыша, так что воздух вырывался из его горла с регулярностью свистка локомотива, Кристофер едва сумел кивнуть, признавая свое поражение, и жестом пригласил лечь рядом с ним.

Уперев руку в бедро, Сара покачала головой:

– Это Норвегия, мой дорогой, а не твоя тепленькая парижская зима. Тут если долго лежать на холодной земле, можно и ласты склеить.

Тем не менее Кристофер дал ей понять, что нуждается в нескольких секундах отдыха.

Сара рассмеялась, потом одним прыжком вскочила на плоский камень. Отсюда, с высшей точки острова, обвела взглядом открывавшийся перед ней пейзаж. На островке Гримсойя, куда они переехали на прошлой неделе и который можно было пройти пешком от края до края меньше чем за десять минут, было всего сорок пять домов, спрятанных от нескромных взглядов пышными зарослями елей и других вечнозеленых деревьев. У скалистого берега, белого от морской пены, она различила несколько моторных лодок, пришвартованных у причалов своих владельцев. Это был единственный транспорт, позволявший добраться с острова до Осло. Но, хотя дорога и занимала совсем немного времени, Сара чувствовала себя оторванной от цивилизации. В этом зеленом заповеднике, где несколько лошадей паслись на лугах, покрытых сочной травой, и где бродили олени и лисы, она ощущала себя спасшейся после кораблекрушения

¹ Автоматический пистолет производства германской фирмы «Хеклер и Кох», калибр 9 мм, емкость магазина 18 патронов. Стоит на вооружении норвежской полиции. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*)

путешественницей, затерявшейся на землях Нового Света. А ведь всего в двух километрах отсюда по прямой бурлила столичная жизнь.

Она перевела взгляд на море, дальше от острова, где порой над поверхностью пепельно-серых вод Осло-фьорда появлялся спинной плавник косатки. Но на закате этого дня начинающейся зимы лишь последние лучи солнца роняли свои золотистые капли на морскую гладь.

Сара дала янтарным отблескам ослепить себя и сделала большой глоток чистого воздуха. Никогда в жизни она даже не надеялась обрести такой покой. Два месяца назад отметила сорокалетие, и в глубине души знала, что могла бы до конца своих дней жить рядом с единственным мужчиной, который вернул ей веру в семейную жизнь, веру просто в жизнь.

Поднялся ветер, погнав по морю волны и заставив скрипеть высохшие стволы деревьев. Этот сумеречный шум помешал ей услышать слабый звуковой сигнал лежавшего в кармане телефона.

– Готов? – звонко спросила она, спрыгивая со скалы. – Тогда подъем! Нам надо разобрать сотню коробок.

Еще не отдышавшийся Кристофер отказался вставать. Она протянула ему руку и помогла подняться.

Их лица оказались рядом, и он рассматривал ее, как будто увидел в первый раз. От бега ее лицо, имевшее обычно цвет слоновой кости, покраснелось, кожа покрылась потом. Веснушки, словно оранжевые блески, очень мило сверкали вокруг голубых, будто лед, глаз. Их пристальный взгляд, заставлявший робеть всех, кто с ней сталкивался, для него был нежным и полным обещаний. Именно это и привлекло его в Саре: ее обескураживающая способность переходить от профессиональной холодности к безграничной теплоте в интимной обстановке.

Внимание Кристофера было приковано к ее еще трепещущим губам, он привлек Сару к себе и поцеловал. Она погладила его по щеке, с удовольствием ощущая покалывание густой щетины, как вдруг Кристофер резко отстранился, тяжело дыша.

Согнувшись пополам, положив руки на бедра, он пытался восстановить дыхание.

– С тобой все в порядке? – забеспокоилась Сара.

– Да... да... я просто... я... я... такойдохлый... что мне... не хватает... воздуха... даже чтобы... поцеловать тебя...

Сара рассмеялась. Кристофер со сконфуженным видом распрямился и в свою очередь фыркнул от смеха, прежде чем сесть на землю.

– А, плевать... пусть у меня будут два Мистера Фриза² вместо... ягодиц... но я больше не могу.

Сара решила сесть рядом с ним. Она не помнила, чтобы так долго смеялась вместе со своим прежним мужчиной, с которым прожила более десяти лет. А ведь они тоже планировали создать семью, купили старую квартиру, которую отремонтировали, и прошли через тяжкие испытания, пытаясь завести ребенка.

Но сейчас, размышляя, она понимала, что с ним она всегда более или менее контролировала себя. Как будто подсознательно пыталась соответствовать тому представлению, которое он создал о ней в своем воображении, или, во всяком случае, тому образу идеальной пары, которой их хотели видеть. С Кристофером Сара наслаждалась ощущением более простым, но придающим смысл ее жизни, – ощущением свободы быть такой, какова она есть на самом деле.

Она окинула его насмешливым взглядом.

– Осторожней! Если ты упадешь в обморок от холода, я даже не смогу сделать тебе искусственное дыхание рот в рот, принимая в расчет то, что с тобой при этом происходит.

² Герой комиксов и созданных на их основе фильмов и компьютерных игр – суперзлодей, который может существовать только при температуре ниже нуля.

– Твои коллеги знают, что ты умеешь шутить? Скорее всего, не знают, но именно поэтому было бы интересно сейчас посмотреть на их реакцию.

Сара смущенно улыбнулась и опустила голову.

– Да, я знаю, что ты права. Но я так счастлив быть с тобой, что иногда мне хочется, чтобы весь мир понял, какая ты невероятная женщина. Даже вне твоей работы.

Сара распустила волосы, которые легкой рыжей занавеской легли на ее плечи, и опустила голову на плечо Кристофера.

– Единственное, что для меня имеет значение в жизни, – это ты, Симон, моя семья и жертвы, убийц которых я должна найти. Мнение всех остальных для меня безразлично.

Кристофер кивнул в знак согласия и задержал взгляд на следах ожога возле ее правого глаза, а также на первых морщинках, прорезавших лоб, – при необходимости они могли бы стать свидетелями того, с какой ответственностью она расследует каждое доставшееся ей дело.

– Кстати, о жертвах. Мне сегодня показалось, что ты искала оружие, чтобы выстрелить в меня, когда я поднялся на гребень холма.

Сара отогнала нахлынувший поток тревожных мыслей и шутливым тоном ответила:

– Нет, не показалось, и, если бы он у меня был, я бы в тебя выстрелила. Сюда, – пояснила, указав пальцем на его грудь, где сердце. – Сюда, – приложила палец к его губам. – И конечно, сюда, – закончила фразу, кладя руку ему на затылок.

При каждом ее прикосновении Кристофер чувствовал, как по его телу пробегает приятная дрожь.

– Ладно, я, кажется, отдышался.

Сара подозрительно нахмурила брови.

– Давай попробуй, а я скажу тебе, живой ты или нет.

Кристофер приблизил губы к губам Сары, но снова остановился.

– Ну что еще? – прошептала она.

– За нами наблюдают...

Сара напряглась сильнее, чем Кристофер рассчитывал.

– погоди, как раз позади тебя. Поворачивайся медленно. Она осторожно обернулась.

В десятке метров от них, на тропинке, неподвижно, словно окаменев от холода, стояла косуля. Повернув голову в их сторону, наострив уши, словно радары, она с тревогой следила за людьми.

– Мне кажется, она нам завидует... – шепнул Кристофер. – Как по-норвежски «косуля»?

– Radyr...

– Мне очень жаль, дружище radyr, но Саре не нравятся чересчур волосатые поклонники. Так что сходи на эпиляцию, а уже потом возвращайся. Вот только в таком случае я гарантирую тебе простуду, а ее быстро не вылечишь...

Косуля посмотрела на парочку, с внешним равнодушием отщипнула пучок травы и пошла своей дорогой, вскоре скрывшись за деревьями.

– Как ты думаешь, знание слова «косуля» поможет тебе найти работу в какой-нибудь норвежской газете? – спросила Сара с наигранно серьезным видом.

– Могу официально тебе объявить, что я нашел работу!

– Что? Ты устроился на работу? А почему мне ничего не сказал?

– Я получил письменное подтверждение буквально за секунду до того, как ты помчалась будто самка гепарда.

– Это же великолепно! И где ты будешь работать?

– В еженедельнике «Моргенбладет».

– Прекрасно. Месье попал в общество интеллектуалов... тех, кто любят неспешно подумать. Я так рада!

Сара поцеловала Кристофера и прижала к себе. Она была счастлива видеть, что его интеграция у нее на родине идет успешно.

– А что ты там будешь делать? Ты же не говоришь по-норвежски.

– Я им сказал, что ваша модель общества настолько отличается от нашей, что я предлагаю сделать сравнения Франции и Норвегии в сферах школьного образования, кухни, политики, взаимоотношений мужчин и женщин...

– Ты с этим справишься великолепно! А слово *gadug* тебе действительно пригодится, когда ты будешь анализировать различия между французскими и норвежскими охотниками.

Сара бросила насмешливый взгляд на Кристофера, который ей улыбнулся и снова посерьезнел.

– Знаешь, я выучил еще много других слов.

– Это каких же?

– Например, мне бы очень хотелось сказать тебе по-норвежски «я тебя люблю». Но это звучит так странно, что мне бы казалось, будто я тебя оскорбляю.

– Ладно, оскорби меня.

Подушечкой пальца Кристофер снял со щеки Сары капельку крови в том месте, по которому хлестнула ветка, затем неуверенным, помимо его воли дрожащим голосом выговорил:

– *Aig elkardeg*...³

Сара поджала губы, сдерживая смешанное чувство: безумное желание расхохотаться и счастье.

Она сжала любимого в объятиях, прижавшись щекой к его груди. Ее волнение усиливало учащенное сердцебиение Кристофера, который давно уже пришел в себя после пробежки. Потом, не слыша ничего, кроме пульсации, столь же сильной, сколь и очевидной, она подняла на него глаза.

– *Jeg vil ha et barn med deg*⁴.

– Что?

– Вставай, возвращаемся. Я не знаю, кто такой Мистер Фриз, но не имею ни малейшего желания быть на него похожей.

– Сара, что ты мне сейчас сказала?

– Поищешь к Гугле.

Сара уже пошла мелкими шагами, как вдруг замерла, будто косуля несколько минут назад, и жестом велела ему молчать.

– В чем дело? Хочешь проделать со мной ту же шутку? – шепотом спросил Кристофер.

Она не ответила. И он знал, что в подобных случаях лучше не настаивать. Сара смотрела в небо, посеревшее в сгущающихся сумерках. Снова поднялся бриз, и казалось, что чья-то невидимая рука шевелит опавшие листья, заставляя их зловеще шелестеть.

– Слушай, – шепнула Сара.

Кристофер не уловил ничего, кроме плеска волн, смешивающегося со стоном ветра в ветвях деревьев. Сара указала ему на едва различимую вдаль, возле самого горизонта, точку. Прошло еще несколько секунд, и он тоже услышал.

Рокот двигателей, сначала едва заметный, но становившийся все более и более отчетливым. Затем над верхушками деревьев появился массивный силуэт вертолета, летящего с востока, со стороны Осло. Вертолет явно направлялся к острову. Сумерки мешали четко различить его форму и эмблему на борту. Взгляд выхватывал лишь мигавшие красные габаритные огни.

– Почему ты остановилась, это всего лишь вертолет? – спросил Кристофер.

³ Я хочу заботиться о тебе (искаж. норв.).

⁴ Я хочу от тебя ребенка (норв.).

– Вертолетам запрещается пролетать так близко к острову.

Но на самом деле ее взволновало другое. Ей показалось, что она узнаёт силуэт винтокрылой машины. Присутствие здесь именно этой модели не имело никакого смысла.

Кристофер понял, что Сара не сдвинется с места, пока не разберется, в чем дело. Он научился уважать ее интуицию и осторожность, без которых ни его самого, ни его приемного сына Симона сейчас уже не было бы в живых.

Поэтому он с волнением ждал, пока вертолет пролетит над ними.

Черный корпус летательной машины увеличивался в небе по мере того, как усиливался рокот вращающихся лопастей, вибрировавший, казалось, у них в груди. Для них не существовало ничего, кроме этой летающей с пулеметным стрекотом туши.

Сара почувствовала, что ее сердце забилося слишком сильно. Что-то было не так. Вертолет резко сбросил скорость: он пытался зависнуть над островом. Деревья гнулись от воздушного вихря, создаваемого вращением лопастей, редкие листья, еще державшиеся на ветках, разлетались в испуганном вихре.

– Сара, что происходит? – крикнул Кристофер, пытаясь перекрыть шум двигателей вертолета.

Не обращая внимания на то, что растрепанные поднятым ветром волосы застилают глаза, Сара не отрывала взгляда от начавшей снижение летающей машины.

– Он над нашим домом! – бросил Кристофер. – Кто это? Чего они от нас хотят?! А Симон там совсем один!

Кристофер схватил Сару за руку, чтобы увлечь к их дому. Но она не могла сделать ни шагу: ей никак не удавалось различить эмблему на вертолете, что позволило бы установить его принадлежность. Она безошибочно узнала типичный звук четырех лопастей винта, хлопавших в воздухе. Менее сильный и более резкий, чем у вертолетов других типов, он выдавал присутствие модуля, который не ставят на гражданские аппараты. Это было абсурдно.

NH90.

Вертолет норвежских Сил специального назначения.

Глава 2

Сара и Кристофер сбежали вниз по тропинке к своему владению – комфортабельному современному дому с высокими и широкими окнами, позволявшими на 180 градусов любоваться морем и большим садом. Возле дивана, напротив окна, выходящего на заднюю часть двора, неподвижно, словно загипнотизированный неправдоподобным зрелищем, разворачивающимся у него на глазах, стоял мальчик лет десяти.

Вертолет сел в саду в шквале поднятого им ветра. Вращающиеся красные габаритные огни отбрасывали кровавые отблески на окна дома, с эпилептической регулярностью разрывая темноту.

Запахавшиеся, прикрывающие рукой лицо, наклоняясь вперед, чтобы легче было преодолевать встречный ветер, создаваемый еще вращающимися лопастями, Кристофер и Сара различили силуэты четырех вооруженных людей, спрыгнувших на землю.

Если несколькими мгновениями раньше сомнения еще были возможны, то сейчас их больше не осталось. Сара моментально узнала форму коммандос: черные комбинезоны, защищающие грудь пуленепробиваемые жилеты цвета хаки с поясом, в ячейках которого размещались четыре снаряженных автоматных магазина. С автоматами НК-17 на ремне, с пистолетами НК USP в поясной кобуре, с лицами, закрытыми черными масками, в касках с очками ночного видения на голове, четверо военных тяжелым шагом направлялись к ним.

– Сара, что происходит?! – запаниковал Кристофер.

Этот вооруженный десант у них во дворе был какой-то нелепостью. Что могло оправдать подобное вторжение?

Он хотел броситься в дом, чтобы быть рядом с Симоном, но Сара предугадала его реакцию и схватила его за руку.

– Не двигайся! – крикнула она, но ее голос был на три четверти заглушен шумом двигателя, едва сбавившего обороты.

Хотя Сара понимала, что, имея их незваные гости агрессивные намерения, они оба были бы уже мертвы или схвачены, все равно опасалась движений, могущих показаться подозрительными этим вооруженным до зубов людям.

Один из четверых военных отделился от группы. Это был мужчина лет сорока, ростом минимум метр девяносто, с широким лицом и узкими глазами, чье внимание целиком сосредоточилось на Саре.

– Майор Харальд Паулен, ФСК⁵, – представился он зычным твердым голосом, который не могли заглушить вращающиеся лопасти вертолета. – Вы Сара Геринген?

Зачем вы здесь? Что вам нужно? Эти вопросы готовы были сорваться с губ Сары, но она лучше, чем кто бы то ни было, знала, что военные подчиняются приказам, а не просьбам. Поэтому, как ради избежания ненужной дискуссии, так и из уважения к собеседнику, она ответила:

– Да, это я.

– Чего вы хотите? – встревоженно спросил Кристофер, когда лопасти наконец перестали вращаться.

Майор жестом показал, что хочет войти в дом.

– Сначала скажите...

⁵ Forsvarets Spesialkommando, FSK – Силы специального назначения Норвегии, выполняют антитеррористические функции.

Сара сильнее сжала руку Кристоферу, который не закончил свой вопрос и направился к дому, сопровождаемый командиром и одним бойцом, в то время как двое остальных встали перед входной дверью в качестве часовых.

Едва шагнув через порог, Кристофер бросился к Симону, который появился в конце коридора, ведущего в гостиную.

– Что вы здесь делаете? – спросила Сара, вооружившись своей профессиональной холодностью.

Майор сунул руку в наружный карман своей куртки и достал оттуда конверт, который протянул Саре.

Сара распечатала письмо и извлекла листок бумаги с эмблемой норвежского Министерства внутренних дел.

«Инспектору Саре Геринген.

Прошу Вас незамедлительно следовать за майором Пауленом до места назначения, в которое он Вас доставит.

Крайне срочно требуются Ваши опыт и навыки.

По соображениям секретности и безопасности, причина привлечения Вас к операции будет изложена Вам по прибытии на место.

*С уважением, Касберг Де Хаген,
командующий Силами специального назначения».*

Печать. Подпись.

Сара подняла письмо на уровень глаз и заметила маленькую эмблему: меч с крыльями по бокам. Практически незаметная невооруженным глазом непосвященному, людям знающим она позволяла установить подлинность документа. Вне всяких сомнений, у нее в руках был подлинный документ.

Если бы майор не стоял сейчас перед ней по стойке смирно, Сара не поверила бы в то, что прочла. На несколько мгновений ей показалось, что она потеряла связь с реальностью. Она прошла специальную подготовку, имела боевой опыт и побывала в сложных и рискованных ситуациях, но подобное вторжение в ее частную жизнь было первым.

В то время как организм отреагировал мгновенным повышением артериального давления, мозг интенсивно заработал: что за серьезное событие потребовало личной просьбы командующего ФСК? Какая срочная необходимость заставила посылать за ней вертолет в выходной день? И, главное, почему именно за ней?

Она взглянула на стоящих в гостиной Кристофера и Симона. Они смотрели на нее так, будто ожидали услышать смертный приговор.

– Мадам, мы должны взлетать, – напомнил о себе майор, взглянув на часы.

– Я успею собрать вещи?

– Возьмите пальто. Очень теплое.

Она потянулась к осенней парке, висевшей на вешалке в прихожей.

– Теплее.

– Зима только началась...

– Не там, куда мы направляемся.

– Одну секунду.

Сара быстро прошла в гостиную.

– Что происходит? – настойчивым тоном спросил Кристофер.

– Слушай, я пока точно не знаю, но министр внутренних дел приказал срочно доставить меня в какое-то место, где им нужны мои опыт и навыки.

Кристофер никак не мог осмыслить информацию.

– Что?

– Я должна сейчас лететь с ФСК. Больше я ничего не знаю.

– А раньше с тобой что-то такое происходило? Это нормально?

– Нет. Абсолютно нет. Должно быть, произошло нечто чрезвычайное, – ответила она, понизив голос, чтобы не услышал Симон. – Но никаких подробностей они мне не сообщат, пока мы не взлетим.

Кристофер провел рукой по смертельно бледному лицу. Снаружи донесся гул вновь запущенного двигателя вертолета, и мельница лопастей винта снова начала рассекать холодный вечерний воздух.

– Я... я не могу отказаться, – добавила Сара.

– Да, да, конечно. Просто я...

Он хотел ей сказать, как сильно беспокоится, но знал, что Сара поняла его без слов.

– Мы и не такое видали, верно? – сказала она, то ли чтобы подбодрить его, то ли чтобы самой обрести уверенность.

Кристофер согласился, с серьезным видом кивнув.

– Инспектор... – окликнул Сару майор голосом, в котором слышалось нетерпение. – Вы же служили в нашей структуре и знаете смысл слова «срочно».

Сара опустила на колени и взяла Симона за руки.

– Милый, мне очень не нравится эта суматоха, но ты не волнуйся из-за шума и присутствия военных. Это очень важно, и я должна лететь с ними, чтобы помочь разобраться в каком-то деле. Я очень скоро вернусь. О'кей?

С красными от слез глазами, Симон отвернулся, вырвал свои руки из рук Сары и убежал в свою комнату.

Кристофер не стал его догонять. Видя страдание на лице любимой женщины, он обнял ее и крепко прижал к себе.

– Все потому, что он очень любит тебя. Не волнуйся: дети отлично понимают разницу между тем, когда родители бросают их ради себя, и тем, когда они вынуждены это делать... Поторопись. И позвони мне, когда сможешь.

Сара глубоко вздохнула, уткнувшись в грудь Кристофера, и поцеловала его. Потом побежала в их спальню и вышла оттуда в зимней парке, с перчатками, высокими теплыми ботинками, свитером и вязаной шапкой, сунула все это в дорожную сумку и направилась к двери.

Майор хлопнул по плечу одного из бойцов, охранявших вход, и все они покинули дом в вихре воздуха, устроенном вращающимися лопастями вертолета.

Перед тем как подняться в кабину, Сара в последний раз обернулась, чтобы еще раз увидеть Кристофера, который махнул ей рукой из гостиной. Она поискала глазами Симона, но не нашла его. С тяжелым сердцем взобралась по ступеньке и опустилась в кресло, указанное ей майором, а тем временем последний военный поднялся на борт и захлопнул раздвижную дверь кабины.

Она застегнула ремень безопасности движением, выдававшим ее военный опыт, и поприветствовала троих остальных бойцов, расположившихся по бокам от нее. Те почтительно ответили на приветствие, а вертолет тем временем оторвался от земли и вертикально поднялся над деревьями. Летчик выполнил поворот, и машина полетела на север. Сара бросила последний взгляд на островок, ее островок, прогнала чувство вины и надела висевшее рядом с ней переговорное устройство с наушниками.

– Теперь я вас слушаю, – обратилась она к майору.

Тому, похоже, не понравилось, что не он, а она заговорила первой, но смог воздержаться от комментариев.

– Полет продлится семь часов.

Сара быстро подсчитала. Неужели они летят за пределы норвежской территории?

– На полпути мы сделаем промежуточную посадку на военной базе Дрейва для дозаправки, но у нас не будет времени выйти. На место назначения прибудем между двумя и тремя часами ночи, в зависимости от ветра.

По выработавшейся у нее при проведении допросов привычке Сара не стала повторять вопрос, а просто посмотрела на майора, который сразу понял ее взгляд.

– Наше место назначения – порт Вардё на Баренцевом море.

«Вардё, – подумала Сара, с трудом веря в это. – Последний норвежский город перед Россией на востоке и Арктикой на севере». Она никогда не думала, что однажды попадет в этот ледяной порт, затерянный в краях, почти непригодных для жизни.

Майор прекрасно понимал, что она ждет дальнейших объяснений, но, казалось, колебался и стирал воображаемое пятнышко со ствола своего автомата.

Привыкнув наблюдать за поведением других людей и фиксировать мельчайшие изменения, Сара заметила, что из троих остальных членов группы один стал поправлять маску, а двое других уставились в иллюминаторы.

Этих людей всю жизнь обучали справляться со стрессом в экстремальных ситуациях. И при этом даже им было не по себе от того, о чем майор не решался заговорить. Сара терпеливо ждала. Короткие сильные порывы ветра несколько раз потрянули вертолет.

– Почему именно я? – спросила наконец Сара, прекрасно понимая, что не сможет заставить этого человека нарушить приказ.

Майор изобразил мимикой одобрение, посчитав вопрос обоснованным.

– Министр внутренних дел хотел поручить это дело сотруднику, известному принципиальностью и при этом обладающему способностью адаптироваться к... различным ситуациям.

– То есть?

– Простите, у меня нет доступа к деталям дела. К нам обратились из Осло с просьбой как можно скорее найти вас. Я рассказал вам все, что знаю. Вам придется подождать прибытия на место, где вас введут в курс дела судмедэксперт и офицеры, ведущие в данный момент расследование. А пока советую вам отдохнуть. Ночь впереди длинная.

– Что вы подразумеваете под различными ситуациями? – повторила Сара, как будто задала этот вопрос в первый раз.

Майор бросил на нее взгляд, смущенный оттого, что он чувствовал: его люди ждут реакции своего командира на вопросы этой женщины, бросающей вызов его авторитету.

– Как вам уже сказал, я не уполномочен...

– ...Сообщить мне детали, которые вам известны, в том числе неофициальные сведения, утечка которых уже произошла, чтобы я работала с максимальной эффективностью по прибытии на место? Вы об этой моей адаптативности говорите? И об этом же мы будем говорить с министром внутренних дел?

Паулен покачал головой и раздраженно снял наушники. Он встал, выпрямившись во весь свой рост и подошел к Саре. Та инстинктивно напряглась.

Но он отключил ее переговорное устройство и приподнял один наушник, чтобы сказать ей на ухо. Он повысил голос, чтобы она услышала его, несмотря на гул двигателя вертолета, но при этом настолько, чтобы его слова не разобрали остальные члены группы.

– Жертва, скажем так, далеко не обычная. Но насколько я понял, сотрудники экспертно-криминалистического отдела еще больше поражены... способом, которым она была убита. Знаю, что это не слишком профессиональная терминология, но наиболее подходящее определение: странный.

Паулен вернулся на свое место, оставив Сару наедине с возникшими вопросами.

Что значит странный способ убийства? И в чем заключается необычность жертвы?

Сара посмотрела в иллюминатор.

Темная норвежская ночь полностью накрыла небо ледяной тенью, и только отблеск от облаков мигающих красных габаритных огней вертолета позволял понять, что ты находишься на большой высоте.

Сара натянула взятый с собой свитер, надела кобуру со служебным НК Р30, сменила кроссовки на высокие зимние ботинки на меху, подняла воротник парки и, откинув голову на спинку кресла, закрыла глаза.

Она надеялась, что рокот вертолетного двигателя убаюкает ее до самого прибытия в ледяную пустыню Вардё и положит конец той буре вопросов, что бушевала у нее в голове.

Глава 3

Стоя перед широким окном в их просторной гостиной, еще загроможденной множеством картонных коробок, в которых они перевезли вещи, Кристофер дождался, когда последняя вспышка красного огонька вертолета скроется за горизонтом, и только после этого вернулся в окружающую действительность. В каком направлении улетела Сара? Что столь серьезное произошло, чтобы за ней прислали в таком экстренном порядке? Грозит ли ей опасность? Когда он получит от нее известия?

Он знал, что жизнь с сотрудницей полиции будет полной тревог. Но до сих пор побеждала гордость. Гордость от того, что он стал спутником женщины, столь востребованной и признанной коллегами. Ему нравилось, как она относилась к своей работе. Кристофер вспомнил, как резонно она однажды ответила одному его коллеге, заявившему, что полицейский все-таки скорее мужская профессия, чем женская. Он с уверенностью заявил, что телки вообще созданы не для этого.

– Для чего не для этого? – парировала Сара. – Не для того, чтобы защищать закон? Быть честными и справедливыми? Проявлять терпение, принципиальность, настойчивость, хладнокровие? Уметь быстро адаптироваться к ситуации, отбросив эмоции, гнев, отвращение? Мне кажется, что все эти качества поровну разделены между мужчинами и женщинами, нет? Так же, как глупость, высокомерие и презрение, которыми обладают плохие полицейские. Знаете, очень хорошо, что вы выбрали своей профессией журналистику.

Кристофер улыбнулся, вспомнив эту перепалку во время прощального ужина перед отъездом из Парижа.

Он посмотрел на телефон, на экране которого не было никаких сообщений, и поборол желание отправить Саре эсэмэску. Больше из опасения выбить ее из колеи, чем из страха прослыть в ее глазах паникером.

Подумать только: они выбрали остров Гримсойя, чтобы жить подальше от суеты и известности, обрушившейся на Сару после дела, получившего название «488»! «Удачное было решение!» – поиронизировал он над собой, глядя на траву в садике, все еще лежащую спиралью, как ее уложил вертолет.

Он уже собрался уйти из гостиной, как вдруг заметил, что в одной из стопок не хватает коробки. Он не мог бы сказать, какой именно, но был уверен, что в каждой стопке их было по шесть, а сейчас в одной оказалось только пять.

Он прошел из гостиной по длинному коридору, где тоже были большие окна, в крыло дома, в котором расположились три просторные спальни.

– Симон, ты где?

Пройдя по толстому бежевому ковру, заменявшему здесь паркет, Кристофер постучал в дверь комнаты мальчика. Ему никто не ответил. Он посмотрел в замочную скважину и увидел Симона лежащим на полу, укрывшись стянутым с кровати одеялом. Он спал, вернее, притворялся спящим на полу, вероятно, для того, чтобы показать, что сам решает, как ему жить. Рядом с ним стояла открытая картонная коробка, использовавшаяся при переезде. Что в ней искал Симон? Все его вещи были разложены в комнате. Коробки из гостиной не имели к нему никакого отношения.

Оттуда, где Кристофер находился, он не мог рассмотреть содержимое коробки. Он мог бы войти в комнату и проверить, но ни за что на свете не хотел разбудить Симона. Кристофер знал, что бегство после приступа гнева предвещает истерику, которая разразится в скором времени. Лучше уж пусть это случится завтра утром. У Кристофера будет ясная голова, и он

сможет противостоять очередному нервному припадку, которые мучили Симона после смерти его родителей, а еще больше после событий мрачного «дела 488».

Кристофер прикусил губу и пошел в свою комнату, где присел на их широкую кровать. Больше чем когда бы то ни было ему хотелось, чтобы Сара была с ним рядом.

Он включил деревянную прикроватную лампу, пока еще стоящую на картонной коробке, и тут же комната отразилась в огромном окне, из которого открывался вид на сад и на море вдали. По обеим сторонам кровати громоздились стопки коробок. Они собирались разобрать их сегодня вечером вместе, а теперь Кристофер решил не откладывать дело до возвращения Сары, хотя бы для того, чтобы было чем занять возбужденный мозг.

Начал он с того, что развесил собственную одежду в стенной шкафу, занимавший целую стену комнаты. Вынимая вещи из коробок, он прислушивался: нет ли какого шороха или другого знака, выдающего присутствие за дверью Симона.

Расставив свои многочисленные книги по истории, различным наукам и религиям в книжном шкафу в гостиной, он вернулся в спальню и секунду рассматривал вещи Сары. На пяти коробках было написано «Одежда Сары». На шестой он прочитал «Рисунки», а на седьмой и восьмой «Книги». Придя в отчаяние от мысли, что снова придется раскладывать и развешивать кучу одежды, он дал волю любопытству и принялся разбирать любимые книги Сары.

Он не удивился, обнаружив в коробке многочисленные работы по психологии человека, а вот труды по поведению животных его удивили. Он знал, что Сара любит все живое, но не думал, что до такой степени, чтобы изучать психологию зверей. Радуюсь, что она еще не полностью раскрыла ему все свои интересы, он опустошил вторую коробку с книгами, содержащую путеводители, а также серьезные работы о примитивных народах. Эти труды имели карандашные пометки, свидетельствовавшие о серьезном и неоднократном их чтении.

Аккуратно расставив книги в шкафу рядом со своими, Кристофер вернулся в спальню. Сара рассказывала ему о любви к живописи, но никогда не показывала свои рисунки, за исключением пары эскизов портретов, обещая, что покажет все позже, когда займется этим делом всерьез. Кристофера сразу поразила яркая характерность лиц. Черты могли показаться размытыми, особенно овал лица и волосы, но чем ближе он подносил к глазам рисунок, тем точнее, выразительнее и живее становились линии. Как будто Сара стремилась передать не столько внешность, сколько душу своих моделей. Желая увидеть больше ее работ, Кристофер решил открыть коробку с рисунками, убеждая себя, что она не обидится на него за то, что он уступил своему любопытству в этот одинокий вечер. Но в последний момент остановился.

Он устроился на кровати, подсунув под спину подушку и смиренно взял свой карманный франко-норвежский словарь: мятые, засаленные страницы с загнутыми уголками свидетельствовали о долгой жизни книжечки. Кристофер собирался поискать слово *radyr*, но тут вспомнил фразу, произнесенную Сарой на норвежском на вершине острова, фразу, в которой он ничего не понял.

Он отложил словарь, открыл на телефоне Гугл-переводчик и попытался вспомнить, что же она сказала. «*Jeg vil ha et barn med deg*».

Еще не освоившись с норвежским правописанием, он искал наугад, пока наконец на экране не высветилось предложение, столь же неожиданное, сколь и волнующее: «*Я хочу от тебя ребенка*».

Его накрыл пьянящий жар. Такое глубокое, такое доброе и такое сильное чувство, что он закрыл глаза, чтобы насладиться им каждой клеточкой своего существа. Еще два года назад он был убежден, что покончил с холостяцкой жизнью забияки и бродяги. И вот сейчас самая замечательная женщина, о которой он только мог мечтать, захотела от него ребенка.

От волнения у него колотилось сердце и перехватывало горло. Кристоферу безумно захотелось сжать Сару в объятиях. Целовать ее, касаться ее. Ему необходимо было чувствовать ее рядом. Непроизвольно его внимание переключилось на коробку с рисунками. Желание взяло

верх над рассудком. Он вскрыл коробку и вынул из нее первые карандашные рисунки, чтобы «прикоснуться» к Саре.

Один за другим следовали портреты женщин, стариков, детей и подростков. Он чувствовал, что за некоторыми она наблюдала незаметно для них в парках, в очередях, в кафе. В рисунках ощущалась торопливость. Кристофера завораживала способность Сары схватывать детали и все те мелочи, которые и создают личность. Он знал, что она прекрасно владеет своими эмоциями, но сейчас имел перед глазами доказательство того, что она глубоко неравнодушно относилась к каждому человеку, которого встречала в жизни. Это было полной противоположностью холодному и отстраненному отношению, демонстрируемому ею на службе и смущавшему ее коллег.

Кристофер дошел уже почти до дна коробки, как вдруг его пальцы наткнулись на шкатулку. Он поднял ее на уровень глаз. Квадратная, из резного дерева, украшенная арабесками, каждая сторона длиной сантиметров двадцать, заперта на висячий замок. Он потрянул ее и услышал, что внутри что-то есть. Зачем скрывать содержимое? Что такого секретного Сара могла в ней прятать? У него мелькнула мысль воспользоваться стамеской, но он успокоился и решил задать ей вопрос, когда она вернется. Она непременно ему расскажет, что хранится в шкатулке. Если только...

Сидя на кровати, скрестив по-турецки ноги, Кристофер вздохнул, легкая улыбка приподняла углы его губ. Слева от него на одеяле лежал телефон, на котором до сих пор сохранялся перевод самого полного обязательства Сары по отношению к нему, а с другой стороны стояла шкатулка, скрывавшая нечто, чего она не хотела показывать. И он со смесью веселья и раздражения подумал, что перед его глазами находится воплощение двойственности натуры женщины, в которую он влюбился.

Глава 4

– Приближаемся к Вардё. Посадка через пять минут, – прозвучал в наушниках голос пилота, и Сара медленно открыла глаза.

Из-за жары, созданной системой отопления, воздух в кабине стал тяжелым, а на стеклах иллюминаторов снаружи образовался иней.

Напротив нее майор Паулен надевал перчатки, а остальные три члена группы были уже готовы: автоматы в руках, нижняя часть лица закрыта шерстяной маской.

Сара взглянула на часы: 2.46 утра.

– Температура за бортом –5 градусов, – сообщил второй пилот. – Ветер сильный, но видимость в норме.

– Вы единственная из нас, кому удалось поспать, – прокомментировал майор, застегивая ремешок каски. – Наверное, это женский талант.

Сара решила не комментировать его замечание, которое посчитала неуместным, и наклонилась, чтобы посмотреть в иллюминатор.

Было еще темно, но небо уже потеряло чернильную черноту, сменившуюся перманентными сумерками, характерными для бесконечных северных ночей. Стоял тот обманчивый полумрак, который создает зрительную иллюзию, будто охватывает форму предмета, прежде чем поглотить его. То, что казалось деревом, становилось силуэтом скалы, а на самом деле оказывалось неровностью почвы, покрытой дикорастущей травой. Мозг все время колебался между уверенностью и сомнением.

Несмотря ни на что, из вертолета были различимы несколько надежных ориентиров: покинутая цивилизацией бесконечная земля, пустынные холмы которой, кое-где покрытые снежными языками, вели к подлинному владыке этих мест – Баренцевому морю. Слепой диск, чьи серебристые воды уходили вдаль, к архипелагу Свальбард⁶ и дальше, к краю мира – к полярному кругу и Северному полюсу.

И в нескольких километрах от берега, омываемого этими смертельно опасными водами Сара наконец заметила два небольших островка, на которых расположился рыбацкий поселок Вардё. Булавочные головки огоньков света были единственными свидетелями того, что на этом краю света идет жизнь.

– Почему вы ушли из ФСК? – решил спросить Сару, когда вертолет уже заходил на последний вираж.

Она знала: он ждет, что она начнет объяснять, что поняла, какая это сложная работа, особенно для женщины.

– Одну мою подругу изнасиловали трое ее коллег, – начала Сара, разминая онемевшие пальцы. – Следствие пришло к выводу, что она добровольно пригласила этих людей к себе. Она попыталась покончить с собой. Ее заперли в психушку и признали до конца жизни негодной к военной службе по причине психологической неустойчивости. Трое ее коллег продолжают служить. Тогда я сказала себе, что принесу больше пользы, будучи вне армии, чтобы самой вести подобного рода расследования.

Сара выдержала взгляд собеседника, отстегивая пряжку ремня безопасности, и договорила:

– Конечно, Норвегии далеко до «милого» рекорда американской армии, где каждые три часа происходит одно изнасилование.

⁶ Норвежское название Шпицбергена.

Майор с задумчивым видом покачал головой и отвел взгляд.

– Садимся! – прозвучал в наушниках голос пилота.

Сара почувствовала, как чья-то рука похлопала ее по плечу. Один из членов группы, тот, что сидел справа от нее, что-то ей протягивал. Насколько она могла рассмотреть, ему было лет двадцать восемь – тридцать. Он протягивал ей шерстяную трубу – спецназовский шарф-маску. По его виду она поняла, что он не хочет, чтобы Сара числила его в одной команде с его командиром и теми мерзавцами, о которых только что рассказывала. Она поблагодарила его кивком, сняла наушники, натянула шарф, подняв его до самого носа по примеру остальных троих военных. Надела капюшон парки, пока вертолет шел на снижение. Они пролетели над одним из необитаемых рукавов острова, и Сара заметила на нем странную длинную постройку, обращенную фасадом к морю. Ей даже показалось, что она заметила дрожащий огонек в центре ее. Как будто пламя. Но вертолет пролетел мимо, не позволив ей разобраться, что это такое. Он проследовал прямо к порту и сел на бетонную площадку.

Спецназовец, давший Саре шарф-маску, прошел вперед и открыл боковую дверь. В жаркую кабину ворвался ледяной воздух, подобный банде оживших мертвецов, ищущих малейшее тепло.

Рокот лопастей стал оглушающим, поток воздуха от их вращения образовал кратер вокруг места посадки.

Первый боец группы прыгнул на землю, за ним остальные двое. Сара последовала за ними еще до того, как вертолет коснулся земли, и майор проводил ее взглядом, удивленный тем, что она прыгнула с той же ловкостью, как и мужчины.

Пригнувшись, Сара направилась к ангару вертолетопорта, как вдруг заметила, что один из военных указывает ей на край площадки. Что он хотел сказать? Из-за рева двигателя и адского гула лопастей разобрать было невозможно.

Она пошла в указанном направлении и увидела, что все ее спутники сидят в шестиместной моторной лодке, качающейся на черных морских волнах.

Майор, следовавший за ней, крикнул ей в ухо:

– До места преступления можно добраться только морем. Садитесь!

Сара взялась за перила ржавой лестницы, раздраженная тем, что ее не предупредили заранее.

Она заняла место на носу лодки, под радиоантеннами, как раз рядом с рулевым.

– Пошел! – бросил майор, ступая на борт.

Один из спецназовцев отвязал швартовочные концы, и рулевой выжал газ на полную. Военная моторка выскочила из акватории порта и заложила вираж направо, выйдя в беспокойное море, молочные гребни волн которого с грохотом разбивались о корпус.

Лодка на максимальной скорости рассекала воды океана, брызги хлестали по одежде и покалывали кожу. Саре казалось, что в лицо дует песчаный ветер. Она повернулась к майору, и во взгляде ее было терпение человека, слишком долго ждущего объяснений.

– Мы направляемся туда! – бросил он, указывая на окутанную туманом точку впереди. – На остров Хорнойя.

– А почему не прямо на вертолете?

– Это орнитологический заповедник. На этой скале гнездится более ста шестидесяти тысяч птиц. Они не очень дружат с вертолетами. Мы будем там через шесть минут.

Им потребовалось меньше времени, чтобы различить странную форму этого островка всего девятьсот метров в длину и шестьсот пятьдесят в ширину. На востоке из тумана выплывал почти пологий склон, ведущий на вершину, где полумрак нарушал единственный здесь источник света – маяк. На западе, как бы в качестве реванша, высились отвесные скалы с острыми углами, скрадываемыми туманом. Сероватые бока острова, сложенные, вероятно, из сланца или песчаника, были усыпаны белыми пятнами, а на плато лежал более толстый слой

снега. Дикие травы дергались под порывами ветра словно сломанные марионетки. Ни единое деревце не смогло вырасти на этой скале, размываемой морем и холодом.

Когда они были всего в паре сотен метров от острова, Сара удивилась, что снег лежит на уходящих в море вертикальных скалах, где должен был бы таять из-за попадающих на него капель воды от накатывающихся волн.

Только потом она осознала, что эти белые точки двигаются. Что это тысячи перьев птиц, шевелящихся в своих гнездах, устроенных даже в расщелинах скал. И тут она услышала их крики, смешивающиеся с шумом ветра, гулом мотора и более далеким ревом волн, разбивающихся о скалы.

Кого здесь могли убить? Смотрителя маяка? Но стали бы ее вызывать, да еще так срочно, ради смотрителя маяка? Это не имело никакого смысла.

Подходя к скрытому в тумане берегу, лодка сбросила ход. Из дымки материализовался причал, покрашенный коричнево-красной краской. Лодка ткнулась в него рядом с еще двумя. Быстро и организованно спецназовцы в несколько секунд пришвартовали их суденышко, и Сара ступила на старую лесенку. В этот самый момент вода намочила ее ботинки.

– Я провожу вас к начальнику полиции округа, который сейчас ведет расследование, – сказал майор, в свою очередь сходя на берег.

Грунтовая дорожка с лежащими на ней там и тут заплатками снега шла почти по прямой линии от деревянной хижины по берегу острова к верхней его точке. Туда, где стоял маяк, чью белую башню и красный колокол, над которым висел мигающий фонарь, Сара теперь различала совершенно четко.

Стоя спиной к берегу острова, Харальд Паулен отстегнул от пояса фонарь и бросил его Саре, стоявшей на тропинке, спиной к морю.

– Ловите! – крикнул майор.

Но он не учел силу ветра, из-за чего фонарь пролетел мимо Сары, которой пришлось проявить незаурядные быстроту и ловкость, чтобы перехватить его за мгновение до того, как он упадет в воду.

Не теряя времени на то, чтобы обращаться к офицеру с упреками, Сара включила фонарь и начала подъем, предварительно попрощавшись с тремя остальными членами группы, оставшимися в лодке.

– Майор Паулен, подхожу вместе с инспектором Герин-ген. Жду подтверждения.

Он громко кричал в переносную рацию, чтобы перекрыть рев ветра.

– Вас понял, допуск подтверждаю, – ответил мужской голос.

Края капюшона тряслись, словно листья в бурю, при каждой перемене направления ветра Сара чувствовала, как трещит на ветру ткань ее парки. Это дыхание открытого моря выметало землю, обвивалось вокруг валунов и поднимало вокруг снежинки, которые хлестали по малейшему участку открытой кожи.

На полпути Сара различила силуэты двух человек, закрывавших путь на плато. Они направили на нее мощные фонари.

Подойдя ближе, Сара увидела двух мужчин в зимней полицейской форме. Один из них стоял чуть в стороне, но у обоих указательные пальцы лежали на спусковых крючках автоматов.

Сара не стала дожидаться, пока Паулен ее представит, а сама предъявила удостоверение стоявшему ближе полицейскому. Это был упитанный мужчина лет сорока, с лицом, красный цвет которого явно был вызван не только морозом. Одетый в теплую куртку на меху, вряд ли сильно страдая от полярного холода, он неторопливо изучил удостоверение Сары.

– Офицер Марк Гренсен, – наконец представился он, и в его норвежском прозвучал русский выговор, которого Сара никогда прежде не слышала. – Для меня большая честь познакомиться с вами, инспектор Геринген. – Он наклонил голову и произнес в микрофон, закрепленный у него на груди: – Инспектор Геринген на месте.

– Где произошло убийство? – спросила Сара.

– Там, на краю скалы. Начальник полиции вас туда проводит, – ответил офицер. – Он сейчас придет.

Сара подошла ближе и различила движение позади этих двоих. Казалось, что плато острова занято многими людьми.

У нее не было ни малейшего желания торчать тут и ждать кого бы то ни было. Она обошла двоих офицеров, выставленных на посту.

Те хотели было преградить ей путь, но знак майора спецназа удержал их от проявления излишнего рвения.

Сара увидела перед собой маяк, устремившийся к вечному, темному сейчас небу, а в сотне метров дальше, ближе к обрыву, вырисовывался жилой дом, который она не разглядела с берега. Дом с белыми стенами, отстоявший на какие-то двадцать метров от обрыва скалы, круто уходящей в море. Два строения, затерянные на клочке земли, занятом природой и птицами.

Вокруг были только дрожавшие на ветру пучки порыжевшей от холода травы, покрывавшей вершину острова. Там и тут через их рыжий ковер вырывалась черная скала, а местами, словно карты сказочных стран, лежали пятна снега. Вдалеке, несмотря на сумерки, виднелось море, бросающее волны на штурм скал.

Но то, что привлекло внимание Сары, находилось рядом с белым домиком, на краю скалы. Она увидела мощные установленные сотрудниками экспертно-криминалистического отдела прожекторы для освещения места происшествия. Они изливали ослепительный бо́льничный свет на зону, где что-то делали шесть силуэтов в безукоризненно белых комбинезонах. Количество экспертов показалось ей слишком большим для всего одной жертвы. Как и количество вооруженных людей, патрулирующих окрестности.

Она прошла по ковру из травы и заметила большую квадратную палатку, белая навошенная ткань которой надувалась от порывов ветра. В нее входили и выходили похожие на призраков силуэты. Количество сотрудников экспертно-криминалистического отдела полиции было даже еще большим, чем ей показалось вначале.

Сара предъявила свое удостоверение одному из вооруженных людей и пригнулась, чтобы пролезть под черно-желтой лентой ограждения.

Трое экспертов сгруппировались вокруг жертвы, из-за чего ее невозможно было увидеть. Один из них, стоя на коленях с фотоаппаратом в руках, снимал крупные планы, а остальные двое брали какие-то пробы с тела и с земли вокруг.

Сара подошла к тележке из нержавеющей стали, на которую эксперты обычно кладут свои инструменты и разные приспособления, нашла там голубые резиновые перчатки и надела их, предварительно сунув собственные в карманы парки. Резкий запах каучука ударил в ноздри и вызвал тошноту. Возможно, свою роль сыграл недосып, но главным было резкое напоминание обо всех трупах, которые она осматривала, надев такие перчатки.

Она глубоко вдохнула свежего воздуха, затем, резко подавшись вперед, обозначила свое присутствие троем полицейским, которые поприветствовали ее и отошли.

Менее чем в метре от обрыва она обнаружила жирное голое тело, лежащее ничком. Тело женщины. Кожа была бледной, местами с синеватым оттенком.

На уровне правого плеча, где кровь скопилась в складках глубоких порезов, кожа была как будто разодрана когтями.

На задней стороне черепа короткие черные волосы образовывали липкую массу, на которую натекла кровь из раны, откуда торчали обломки костей.

Левая нога лежала прямо, правая была слегка согнута. Правая рука вытянута вперед. Левая, кисть которой была прижата к земле, лежала над головой.

Сара заметила в сжатом кулаке что-то белое. Какой-то предмет, возможно, камень.

Заинтригованная, она подробно осмотрела все тело, и ее внимание привлекло нечто на поясице. На первый взгляд – обыкновенная геометрическая фигура, вытатуированная много лет назад, если судить по выцветшим чернилам. Прямоугольник, расположенный вертикально, длинная сторона сантиметров двадцать, а короткая – около десяти. Внутри размещался еще один прямоугольник, вдвое меньшего размера. В нем отсутствовала верхняя перегородка, а в нижней части многочисленные перпендикулярные линии образовывали странный лабиринт. Как будто на плане внутреннего устройства комнат в большом доме. Саре было трудно в это поверить, но все, казалось, указывало на то, что это какая-то схема или план.

Она хотела рассмотреть рисунок поближе, чтобы окончательно убедиться, но в нос ей ударил запах разлагающейся плоти, заставивший отступить. Как мог свежий труп, к тому же лежащий при температуре -10°C так плохо пахнуть?

Она обошла тело, чтобы встать перед лицом, правая щека которого покоилась на ледяной земле. Все оно было покрыто кровью, которая запеклась, образуя страшную посмертную маску. Но черты были вполне различимы. Только угол наклона головы мешал хорошенько рассмотреть внешность жертвы. Кончиками одетых в перчатки пальцев Сара осторожно повернула лицо кверху и почувствовала, что у нее остановилось сердце. Теперь все стало ясно: спецназ, срочность, секретность.

Несмотря на шок, она осталась невозмутимой. Но не бесчувственной. Сара представляла себе масштаб кризиса, который через несколько часов потрясет страну. Но также она знала, как в критических ситуациях помогает хладнокровие.

Сара почувствовала присутствие за спиной экспертов, молча следивших за ее реакцией и ожидавших, когда она проявит свое смущение.

Но когда они увидели, что она вернула в прежнее положение голову жертвы, встала и спросила, где находится мед-эксперт, поняли, почему вызвали именно ее.

У ног Сары лежала убитая Катрина Хагебак, норвежский премьер-министр.

– И это лишь начало абсурда... – прозвучал за спиной Сары хриплый голос.

Глава 5

Сара медленно оглянулась.

– Николай Хауг, – представился высокий мужчина лет шестидесяти, одетый в зимнюю полицейскую форму. – Начальник полиции округа Вардё. Вы, должно быть, Сара Герин-ген, – продолжил он, прищутив маленькие голубые глазки, которые теперь казались щелочками на его безбровом лице.

Хауг протянул руку в перчатке, чтобы поздороваться, но Сара ограничилась вежливым наклоном головы. Она не пыталась тем самым выказать ему пренебрежение, просто на месте преступления считала своим долгом избегать малейшего риска проявления субъективности, любого влияния, которое могли оказать на нее коллега или свидетель. А она лучше, чем кто бы то ни было, знала, что физический контакт двоих людей, даже самый мимолетный, создает между ними связь, которая влияет на обоих, о чем они порой даже не догадываются. Такое ее поведение воспринимали как высокомерие, но Сара больше не обращала на это внимания. В ее работе, о чем она, не далее как вчера вечером, говорила Кристоферу, для нее имело значение только одно – жертва.

Начальник полиции вскинул голову и с высоты своего роста посмотрел на Сару, оскорбленно скривив тонкие, едва заметные губы.

Новый порыв ветра прижал куртки к телам, и Николай Хауг опустил уши своей шапки на щеки, покрытые седой щетиной. Сара молча смотрела на него, ожидая, когда он начнет рассказ. Сейчас она напоминала амазонку, бросающую немой вызов ледяному великану, вторгшемуся на ее территорию.

– Когда она приезжает сюда, в свой тайный второй дом, – начал начальник полиции хриплым голосом, указывая на единственное строение, составлявшее компанию маяку, – служба протокола и ее охрана каждые полчаса связываются с нашим маленьким управлением в Вардё.

Он замолчал и бросил на Сару взгляд, такой же резкий, как ветер, не прекращавший продувать остров.

Не обратив внимания на это проявление с его стороны комплекса неполноценности, заставлявшего видеть в ней высокомерную столичную штучку, она ждала продолжения рассказа.

– Итак, вчера, в 17 часов, они не вышли на связь. Ни один из трех охранников премьер-министра. Я решил, что это просто проблемы с аппаратурой, но все равно решил съездить на место. Пока я взял катер, пока доплыл... Сюда я прибыл приблизительно в 17.20. И нашел ее на этом месте, в этой самой позе.

Фразу он закончил, сняв перчатку, чтобы убрать с кончика языка прилипшую крошку засохшего табака. В этот момент Сара заметила, что он дрожит, а кончик пальца в крови, идущей из-под наполовину сорванного ногтя. Несмотря на свой вид старого бывалого полицейского, Николай, как и все вокруг, переживал случившееся неожиданно сильно.

– Трое охранников находились в доме, – заговорил он снова. – Первому перерезали горло. Второго закололи кинжалом, а третий был смертельно ранен, он получил многочисленные ранения холодным оружием. Следов борьбы практически не было. Очевидно, все произошло очень быстро, а действовал или действовали настоящие профессионалы. Что касается премьер-министра, по мнению судмедэксперта, который вам все доложит, ее убили в прихожей. Там огромная лужа крови – сами увидите. Потом убийца или убийцы перетащили ее сюда.

Сара посмотрела на длинную дорожку, начинавшуюся от ног убитой и ведущую к входу в дом, стоявший метрах в двадцати дальше. Трава была примята, в свете прожекторов ясно виднелись следы крови.

– Не спрашивайте меня, зачем они перетащили ее сюда, я сам ни хрена не понимаю, – бросил Николай, что-то ища в кармане. – Может, хотели сбросить в море, но не успели.

Сара пообещала себе подумать над этим, когда переварит всю полученную информацию: как и многие, она не знала, что премьер-министр приезжает отдыхать в свой маленький домик на этом маленьком острове. Но сильнее всего ее поразила легкость, с которой убийца или убийцы расправились с телохранителями. Как могли позволить так легко себя убить сотрудники, бывшие элитой отдела ближней охраны? Она была с ними знакома, в свое время даже помогала их готовить. Такие люди не теряются в опасной ситуации. Сара находила лишь одно объяснение – внезапность.

– Как нападавшие проникли в дом? – наконец заговорила она.

Николай одобрительно кивнул. Эта дамочка не слишком любезна, но вопросы задает правильные.

– Вот это вопрос. Нам ничего не известно. Нигде никаких следов взлома, – пробурчал он. – Ни малейших признаков попыток взломать замок на двери или защелку на окне.

«Значит, жертвы сами открыли дверь нападавшим, – заключила Сара. – Под угрозой или, скорее потому, что знали их».

– Следы ограбления?

– О, этого сколько угодно! Дом перевернут вверх дном. Даже стены вскрывали! Те, кто это сделал, явно что-то искали, это точно.

– Камеры наблюдения?

– Вы же знаете, какой была премьер-министр... «Я против излишеств в деле безопасности, нарушающих неприкосновенность частной жизни». Именно поэтому она приезжала сюда. Чтобы побыть обычным человеком, отдыхающим в своем загородном доме. Нет, нет, никаких камер. Зато сотрудники ее охраны были снабжены наушниками и переносными рациями. Сейчас как раз проверяют, есть ли в аппаратах функция записи.

Сара без предупреждения направилась к дому на краю обрыва, ставя ноги между пучками хрустящей от инея травы.

– Ваши предположения?

Николай догнал ее в два шага, дав замятую траву рифлеными подошвами.

– А вас это интересует?

Сара сделала вид, что не расслышала, приписав этот выпад общей тяжелой атмосфере, царящей на острове.

– Это война, инспектор.

Николай Хауг достал из внутреннего кармана сигарету, остановился, чтобы прикрыть ладонями пламя зажигалки, и продолжил путь, выпустив облако дыма, тотчас же развеянное ветром.

– Это сделали не наши. Все здесь говорит об акции, проведенной иностранными спецслужбами...

– Чьими?

Начальник полиции сделал новую затяжку, отчего его щеки, кожа на которых потрескалась, покраснели, и пронзил Сару взглядом старого полицейского, которого уже ничем не можно удивить.

– В данный момент наши русские друзья имеют огромный зуб на Катрину Хагебак из-за антимигрантской стены, которую она намеревалась возвести на границе, в нескольких километрах отсюда. Она больше не желала терпеть сирийских нелегалов, которые тысячами лезут к нам, пройдя через русский Крайний Север. Но и русские не желают видеть их в своей стране,

куда они прибывают целыми семьями. Особенно после теракта в Санкт-Петербурге. Когда дипломатия не срабатывает... что ж, тогда препятствие устраняют. Все просто.

Теоретически гипотеза была очень соблазнительной, но Саре было трудно с ней согласиться. Слишком уж все наводило на мысль, что именно русские могли нанести удар. Если бы дело обстояло именно так, они бы постарались направить полицию по другому следу. В первую очередь, это относилось к способу убийства телохранителей. Они не стали бы рисковать нарваться на прямое и очевидное обвинение. То, что в доме все перевернули вверх дном, действительно могло быть имитацией ограбления. Но Николай говорил о вскрытых стенах. На простую имитацию не похоже. Те, кто это сделал, действительно что-то искали.

– Вы сказали, что это только начало, что это только начало абсурда. Почему?

Николай Хауг издал ироничный смешок, закончившийся приступом влажного кашля.

– Потому что все то, что я вам сейчас наговорил, выглядит полной чушью, когда узнаешь, как была убита наша премьер-министр... Медэксперт вам объяснит.

То ли начальник полиции играл с нею, то ли действительно растерялся, столкнувшись со странными обстоятельствами этого убийства, подумала Сара.

Два десятка метров, отделявшие их от дома, они прошли молча, шагая рядом с тропинкой, оставленной телом убитой, которое волочили по траве.

Женщина-полицейский, лет тридцати, чью выбившуюся из-под шапки светлую прядь трепал ветер, робкой походкой пошла им навстречу. Высокого роста, стройная, почти худая, если тело, скрытое под толстым слоем одежды, соответствовало геометрии ее изможденного лица. Ее имя и фамилия были на приколотой к парке карточке: Ингрид Вик. Судя по резким движениям, ей было не по себе. Страх перед начальством или осознание того, что она находится на месте преступления, которому суждено стать историческим событием?

– Они нашли... кое-что, господин начальник, – произнесла она голосом наполовину заглушенным доносящимся с моря ревом волн.

– Черт бы вас побрал! Вы можете говорить громче?! Извернитесь, как хотите, и добудьте себе мужской голос!

Сара не стала вмешиваться. Женщина-полицейский сглотнула и продолжила почти крича:

– Обнаружили альпинистские карабины, вбитые в скалу за домом! Возможно, подозреваемые проникли этим путем.

– Иду, – буркнул Николай.

Сара почувствовала на себе взгляд женщины-полицейского, смущенной, что начальник унизил ее перед уважаемой коллегой – тоже женщиной. Сара улыбнулась ей одной из своих редких и почти незаметных улыбок и продолжила путь к дому.

– Вы не пойдете? – удивился Николай Хауг.

Она, не оборачиваясь, покачала головой: все надо делать по порядку.

Начальник полиции сделал глубокую затяжку, чтобы успокоиться, и бросил на Сару презрительный взгляд.

Сара пропустила выходящего из дома сотрудника экспертно-криминалистического отдела, несущего сосуд с мутной жидкостью, и вошла внутрь жилища.

Полумрак снаружи уступил место ослепляющему больничному свету мощных ламп, а пьянящий ветер сменился тишиной, которую можно было бы назвать умиротворяющей, если бы не вязкая лужа крови, растекшаяся по светлому паркету. Кровь образовывала «восьмерку», как будто две лужи соединились между собой.

Холл вел в гостиную с угловым диваном, подушки которого были перевернуты, выпотрошены и разбросаны по полу, перевернутый ковер перед диваном устилали осколки стекла – фрагменты разбитого экрана большого телевизора. Перед камином, который, вероятно, был тщательно осмотрен, рассыпан пепел. Изрезанные картины на полу.

С того места, где она стояла, Сара видела часть смежной с гостиной кухни, заваленной битой посудой.

На полдороге от входной двери к гостиной в луже крови, казалось, натекавшей из раны в области поясницы, лежал на спине мужчина с бритой головой. Рядом с его головой, запрокинутой назад, валялись наушники с прозрачным шнуром.

Возле труп заколотого охранника работали двое экспертов: один делал замеры, другой брал на анализ биологические образцы. Изредка они тихо обменивались репликами.

Справа от входной двери был коридор. Сара пошла по нему и обнаружила прямую лестницу на второй этаж и две двери. Одна, внизу лестницы, вела в комнату, похоже, спальню. Другая замыкала коридор. Эта последняя, тоже приоткрытая, выглядела намного более прочной.

Но в первую очередь Сара заинтересовалась трупом, лежавшим на пороге комнаты, предположительно, спальни.

Эксперт в перчатках брал пробы с ран убитого, находившихся на уровне грудной клетки. На этом убитом тоже были наушники, и, как заметила Сара, у этой жертвы были множественные ранения.

– Сколько нанесли ударов?

Эксперт повернулся к Саре, и, несмотря на очки и маску, ей показалось, что она различила в его взгляде улыбку. Но мужчина немедленно вернулся к работе.

– Всего восемь ножевых, удар в брюшную полость стал смертельным, – ответил он голосом казавшимся металлическим из-за маски. – Насколько мне известно, этот единственный, кто сопротивлялся, но его противник или противники оказались ловчее.

– Почему?

– Мы уже провели анализы следов крови в этом секторе по методу PCR⁷ в реальном времени. Все они принадлежат жертве.

– Может, прочие стерли?

– Даже применение люминола ничего не выявило. Нет, этот тип действительно дрался, но его противник ни разу не был ранен. Во всяком случае, серьезно, до крови.

Сара удостоверилась, что резиновые перчатки по-прежнему у нее на руках, и открыла дверь в конце коридора. Та была сантиметров десять толщиной, и Сара насчитала на ней пять запоров. Необычная бронированная дверь, ведущая в прямоугольную комнату без окон, где стояли монитор видеоконтроля, телефон, разобранная кровать с выпотрошенным матрасом, встроенные в стену раковина и унитаз, а также холодильник, содержимое которого валялось на полу.

Сара постучала по стене этого странного помещения, и матовый, без резонанса, звук подтвердил ее догадку: это было специально оборудованное укрытие, обычно именуемое комнатой страха – *panic room*⁸. Видимо, премьер-министр не успела войти в нее и укрыться от опасности, но убийца или убийцы сумели ее обыскать.

Сара вышла и перешагнула через труп телохранителя, чтобы пройти в другую комнату, вход в которую тот, возможно, пытался защитить.

Приятная и комфортабельная комната с полукруглым балконом, выходящим на скалу. Половину противоположной от двери стены занимал большой книжный шкаф, все книги из которого были вышвырнуты на пол. Большой распоротый матрас, казалось, выпускал пену через прорези в обивке. Дыры в стене над кроватью подтверждали слова начальника полиции.

⁷ PCR (polymerase chain reaction) – метод экспресс-анализа образца крови. (Примеч. авт.)

⁸ «Паническая комната», «комната страха» (англ.) – защищенное помещение в доме, убежище на случай вторжения, например, грабителей.

Другая дверь вела в ванную комнату без окон, где стояла большая ванна. Единственный шкафчик над умывальником был оторван от стены. У Сары появилось ощущение, что обыск в доме проводился в ярости.

Она вышла на балкон, с которого увидела занятого работой эксперта.

Пройдя через открытую балконную дверь, она обнаружила труп третьего телохранителя. Рыжий мужчина, постарше первого, синие глаза устремлены в черное небо, через глубокий разрез на горле видны внутренние ткани. Тело лежало на спине, головой к спальне. Если труп не перемещали, то, стало быть, телохранитель стоял лицом к морю в тот момент, когда ему перерезали горло. Возможно, высматривал с балкона возможных незваных гостей.

– Следы борьбы? – спросила Сара.

– Пока не обнаружены. Он, без сомнения, был застигнут врасплох, – ответил эксперт в маске. – У вас есть идея, кто бы это мог сделать?

Сара настороженно посмотрела на эксперта.

– Извините, просто... это непривычная сцена и... это настолько... в общем, я хочу сказать... это невозможно.

Сара без церемоний протиснулась и поднялась по лестнице. Она оказалась на широкой площадке, где стоял большой письменный стол с компьютером. Но прежде, чем обратиться к техническому специалисту, тщательно изучавшему машину, она остановилась перед невероятной мозаикой, покрывавшей две боковые стены мезонина. Буйство форм, совершенно неуместное в этом суровом доме, составленное из детских рисунков с пестрыми животными, с домами и яркими солнцами над ними, и все сопровождалось фразой, начинавшейся с «Если бы я был премьер-министром, то...». «...Если бы я был премьер-министром, я бы запретил охоту на животных; ...я бы все сделала, чтобы не было бедных; ...я бы сделал так, чтобы в столовой можно было выбирать меню; ...я бы сделала обязательным держать дома курицу, чтобы меньше было отходов...». Их здесь было штук пятьдесят, и Сара вспомнила, что Катрина Хагбек часто бывала в школах, чтобы узнавать мнение детей. Но она никогда бы не подумала, что премьер-министр могла хранить присланные ей детьми рисунки, тем более выставлять их здесь, в доме, где она вела частную жизнь. Трогательное подтверждение того, что эта женщина была не только воплощением воли и принципиальности, демонстрируемых на публике, но и того, что она заботилась о счастье будущих поколений.

Сара перешагнула через выброшенные на пол ящики письменного стола и подошла к сотруднику, занимавшемуся осмотром компьютера премьер-министра.

– Жесткий диск? – спросила она.

– Исчез, мадам.

Справа был небольшой коридор, по которому Сара дошла до приоткрытой двери. Единственной двери, замок на которой был взломан, судя по его очевидной деформации.

Она вошла в комнату и поразились ее обстановке. Несмотря на царивший и там хаос, это была комната, оборудованная как больничная палата; различные измерительные и контрольные приборы в ней были разобраны, поломаны и лежали сейчас один на другом в беспорядке. Для кого предназначалась эта комната? Насколько Сара знала, премьер-министр не была больна. Может, у нее жил кто-то, кто болел? Но кто? И почему здесь?

– Я наскоро подсчитал. Здесь находится... вернее, находилось оборудование приблизительно на пятнадцать тысяч евро. Это очень дорого. Особа, которую здесь лечили, пользовалась большим фавором у нашей премьер-министра.

Голос был спокойным, глубоким, почти нежным. Сара оглянулась через плечо. Она видела его мельком, но сразу узнала по улыбке: эксперт, объяснивший ей, что один из телохранителей пытался защищаться, но безуспешно.

– Иоахим Триммер, медэксперт.

Он не протянул ей руку, а поприветствовал взглядом. Ему было лет тридцать пять – сорок, короткая рыжая бородка окаймляла вытянутое лицо, открытая улыбка и белые зубы вызывали симпатию. Коротко подстриженные волосы уже слегка поредели на макушке, подчеркивая высокий лоб. Взгляд чуть зауженных в уголках ореховых глаз был одновременно живым и доброжелательным. Он рассматривал Сару спокойно, не спеша. Сара заметила, что он ненадолго задержался на шраме, который был у нее в углу глаза, после чего отвел взгляд.

– Вы себя спрашиваете, почему я внизу не сказал, что медэксперт?

– Ваши выводы о причине смерти Катрины Хагебак? – спросила Сара, у которой не было ни времени, ни желания играть в угадайку.

Иоахим Триммер опустил голову, улыбаясь, как будто ожидал такого ответа.

– Идите за мной, я устроил свой полевой кабинет за домом.

Они вышли из дома, обогнули его и вошли в белую клеенчатую палатку площадью примерно пятнадцать квадратных метров, установленную позади дома, что немного защищало ее от ветра.

Внутри было натоплено, слышалось урчание установленного в нескольких метрах отсюда генератора, дающего электроэнергию, необходимую для работы многочисленных агрегатов: портативного рентгеновского аппарата на тележке, соединенной с переносным компьютером, центрифуги для биологических анализов. И это не считая инструментов для вскрытия, сложенных в сумку, поставленную на каталку из нержавеющей стали, как раз рядом со столом для производства аутопсии, прочно стоящим на четырех ножках, врезанных в землю, снабженного подъемным устройством и соединенного с канистрой.

Сара расстегнула parky и присела на угол стола, на котором разместился компьютер.

Эксперт отобрал серию изображений, и на экране появилась мозаика фотографий убитых телохранилителей.

– Смерть всех троих наступила в результате кровотечения, либо внутреннего, либо внешнего. Как я вам уже говорил, только у одного из троих имеются множественные ранения. Остальных двоих убили с первого удара. Одному перерезали горло, другому нанесли колотую рану сзади в район тонкой кишки. Но вот что интересно, – продолжил Триммер, кликая новую папку и выводя на экран крупные планы ран трех жертв, – все трое были убиты одним ножом: армейского типа, с лезвием длиной приблизительно пятнадцать сантиметров и толщиной четыре-пять миллиметров, без зазубрин, поскольку раны в теле не имеют неровных разрывов по краям. Иными словами, либо несколько злоумышленников были вооружены одинаковым оружием, либо всех троих убил один человек.

– Анализ ДНК? Отпечатки пальцев?

Улыбка на лице медэксперта сменилась выражением глубокой озабоченности. Прежде чем ответить, он глубоко вздохнул.

– Мы на месте около трех часов и за это время, да, нашли отпечатки, кровь, волосы – все, что хотите, однако, по данным на этот момент, все это принадлежит погибшим, судя по тем сравнительным анализам, которые мы успели произвести. Конечно, сбор образцов продолжается, анализы ДНК проводятся, так что еще можно надеяться. Но, между нами говоря, эта операция кажется настолько аккуратно проведенной, что, боюсь, мы не обнаружим ничего подходящего. Кстати, это меня удивляет. Из группы даже очень хорошо подготовленных людей с большой долей вероятности хотя бы один да наследит. А здесь, по крайней мере на данный момент, никаких очевидных следов...

«Еще один аргумент в пользу версии, что действовал убийца-одиночка, – подумала Сара. – Человек подготовленный, аккуратный, собранный».

– Есть что-то конкретное по бронированной комнате?

– Ничего. Как и по другим местам.

– Ваше заключение по Катрине Хагебак?

Иоахим Триммер испустил долгий вздох, закрыл фотографии убитых телохранителей и вывел на экран компьютера голый труп премьер-министра, лежащий у края обрыва, лицом в землю.

– Я пока не закончил анализ, придется перевезти тело сюда для проведения детального вскрытия, но я не обнаружил ничего такого, чего бы вы не заметили, осматривая место происшествия. Однако то немногое, что я увидел, сильно усложняет расследование или, скажем так, делает его по-настоящему необычным.

Иоахим Триммер несколько мгновений рассматривал квадратики пола, собираясь с мыслями.

– Я не обнаружил никаких признаков, позволяющих подозревать изнасилование. Зато, вот, взгляните, что собой представляет ее грудь, которую я сфотографировал, прежде чем положить тело точно в то положение, в котором его обнаружил начальник полиции, прибыв на место.

От верха груди до низа живота все тело Катрины Хагебак было истыкано множеством ранок диаметром с обычный карандаш.

– Если вы присмотритесь внимательнее, – продолжал Иоахим Триммер, показывая увеличение одной из ранок, – то увидите, что кожа по краям каждого отверстия разорвана во многих местах. И это означает, что раны были... ну, скажем, исследованы, либо каким-то предметом, либо пальцем. И это еще до наступления смерти, учитывая количество крови вокруг мест поражения.

Насколько равнодушной Сара выглядела в глазах своих критиков, объектом осуждения которых она часто становилась, настолько же сильное, даже болезненное сочувствие она испытывала к потерпевшим и к перенесенным ими страданиям.

Значит, их премьер-министра пытали. Возможно, для того, чтобы заставить сказать, где спрятано то, за чем пришел убийца.

– Сорванная кожа на правом плече?

– Значит так: ясно различимы пять вытянутых ран, начинающихся от верхней части лопатки и заканчивающихся на уровне ключицы. Раны глубокие и выдают ясно выраженное намерение именно сорвать кожу.

– Как они нанесены?

– Тоже очень странно. На первый взгляд, учитывая ширину царапин и, главное, их неровности, я бы сказал, что царапины нанесены не каким-либо инструментом или оружием, которые все-таки оставляют более ровные следы, а ногтями.

– И при этом никаких отпечатков?

– При первом осмотре не найдено никаких, но, повторяю еще раз: я пока что успел произвести лишь поверхностный осмотр.

– Причина смерти? – перебила Сара, прогнав из головы образы страданий жертвы, от которых у нее сжималось в животе.

– Подхожу к этому. Как вы должны были убедиться, на задней части черепа жертвы наблюдается большое скопление крови. Я провел рентгенологическое исследование, – он показал на переносной рентгеновский аппарат, – и вот, что мы имеем на черепной коробке.

На появившемся на экране снимке Сара быстро распознала четыре продолговатых пролома.

– Как вы можете убедиться, мы наблюдаем две косые трещины на уровне затылочной кости, над затылком. Первая восемнадцать сантиметров длиной, вторая – пятнадцать. Затем вы видите еще две трещины, тоже наклоненные, но на сей раз на правой париетальной кости, точно над ухом. Эти четыре удара, нанесенные по черепу сзади и сбоку, вызвали кровотечение, ставшее смертельным.

Сара видела десятки заключений судмедэкспертизы, но впервые столкнулась с подобными прямолинейными ранениями. Череп как будто рассекли четырьмя ударами.

– Оружие? – спросила она.

Иоахим Триммер поднял брови и посмотрел на Сару так, словно заранее знал, что она ему не поверит.

– Я не сразу это понял, потому что уж больно необычны травмы. Во всяком случае, в наше время. Но характер ран не допускает сомнений: они были вызваны длинным тяжелым оружием, острым, с узким лезвием. Раны показывают, что оружие скорее режущего, чем колющего или рубящего действия, как, например, топор. Следовательно, удары могли быть нанесены только мечом.

Сара едва смогла скрыть изумление. Но теперь она понимала, почему начальник полиции назвал версию о русских диверсантах полной чушью. Даже если бы они хотели как-то замаскировать убийство, то не стали бы выбирать подобный странный способ действия.

– Как были нанесены удары?

– Учитывая наклон разрезов, с большой долей вероятности, сзади и сверху. Это позволяет предположить, что жертва в этот момент стояла на коленях. То, что удары были нанесены в одну область, показывает, что Катрина Хагебак не сопротивлялась и наверняка была обездвижена в тот момент, когда ее рубили мечом.

– Казнь? – уточнила Сара.

– И да и нет, – ответил Иоахим Триммер. – Если бы ее пытались обезглавить, ранения были бы нанесены в область затылка и шеи, а тут явно было другое намерение: нанести несколько ран, чтобы вызвать медленную смерть.

– Насколько медленную?

– Пока не знаю, но после ударов жертва могла прожить от одной до десяти минут. Мне необходимо более точно исследовать глубину ран.

Сара усваивала каждую новую информацию с быстротой, не позволявшей медэксперту перевести дух.

– Почему от тела, в частности головы, исходит такой сильный запах разложения?

– Вы тоже заметили? Пока что я этого не понимаю. Запах не может исходить от тела премьер-министра. По моим предварительным оценкам, она умерла девять или десять часов назад. Вскрытие поможет установить время смерти точнее.

– Татуировка на спине? Когда она была сделана?

– Странная, правда? Я даже не представлял, что у нее такое на спине, когда видел ее выступления по телику. Короче, вне всяких сомнений, она сделана давно. Много лет назад.

– А что-то типа белого камушка, который она сжимает в руке?

Иоахим Триммер прищурил глаза, пронизательным взглядом рассматривая Сару.

– Вы все замечаете... Так вот, это кусок мела. А этот факт, поскольку он странный, может вас заинтересовать: мел приклеен к ладони Катрины Хагебак сильным клеем.

Какой бы интригующей ни была эта информация, Сара отложила ее на потом. С того момента, как она вошла в дом и увидела в прихожей лужу крови, ей не давал покоя другой вопрос. И то, что она узнала об обстоятельствах смерти Катрины Хагебак, еще больше усилило ее сомнения.

– Жертва точно была убита в прихожей дома, где найдена самая большая лужа крови? Не на краю обрыва?

– Это наиболее очевидная гипотеза, учитывая количество крови, обнаруженной на плитке пола в прихожей. Сеть кровеносных сосудов в человеческом теле, как всем известно, очень обширна. Удары мечом вызвали обильное кровотечение, и количество крови, обнаруженной в прихожей, вполне соответствует тому, что должно было вытечь с учетом характера и числа ранений. Ничего подобного на скале, на месте обнаружения трупа, не наблюдается.

– Зачем тело вытащили из дома и отнесли к краю скалы?

– Я не полицейский, но полагаю, что убийца или убийцы хотели избавиться от трупа, но не успели. Вам бы следовало обсудить это с...

Ответ медэксперта Сара не расслышала, углубившись в свои мысли. Она только что прокрутила в мозгу все возможные варианты того, как разворачивалась драма. Казнь на коленях, мел в руке, телохранители, ликвидированные с пугающей эффективностью. Что-то здесь не сходилось, не увязывалось с трупом, вытасканным из дома и оставленным на земле, словно брошенным. Сейчас она была уверена, что они с самого начала пошли по ложному пути. Теперь ей требовалось доказательство того ее предположения. А если она права, то это меняет всё.

– Инспектор Геринген? Вы меня слушаете? – забеспокоился Иохим Триммер.

Не отвечая, Сара встала и под удивленным взглядом мед-эксперта пулей вылетела из его палатки.

Глава 6

Сара вздрогнула от холода и застегнула парку. Ветер взметнул ее волосы, и рыжие пряди заплясали перед лицом. Она прошла в дом и включила фонарик, чтобы рассмотреть кровавую дорожку длиной метров двадцать, идущую от прихожей до труп премьер-министра.

Она шла по следу, шагая чуть сбоку, наблюдая за тем, как примята трава, и неоднократно останавливаясь, ища на земле следы.

Краем глаза она заметила приближающегося начальника полиции. Он в последний раз затянулся сигаретой, потом достал из кармана металлическую коробочку, загасил окурок, убрал в нее и захлопнул крышку.

– Ложный след, разумеется. В скале всего один карабин – им пользуются орнитологи, когда надо ставить сети, чтобы отловить птиц для их кольцевания. А что у вас? Вы видели Триммера?

– Как вы представляете себе сценарий, объясняющий, почему мы нашли премьер-министра вон там, а не на месте, где ей нанесли удары? – спросила Сара, указывая на площадку утеса.

– Я вам уже сказал: ее убили, а затем решили сбросить труп в море, чтобы инсценировать несчастный случай. Но тут они услышали, что приехал я, и бежали, чтобы не пришлось решать еще одну проблему.

– Неужели они рассчитывали выдать случившееся за несчастный случай, хотя мы непременно нашли бы трупы телохранителей? Или домик враз испарился бы со всем содержимым? Это не имеет смысла.

Николай Хауг прижал раненый палец и ответил тоном, который хотел сделать спокойным, но в котором проскальзывало раздражение:

– Может быть, они просто хотели избавиться от трупа?

– И отказались от своего плана всего в десяти сантиметрах от края пропасти? Это выглядит маловероятным, когда вспомнишь, с какой эффективностью они расправились с тремя подготовленными сотрудниками службы безопасности.

Сара понимала, какое раздражение вызывает у начальника полиции, но делала она это не ради удовольствия.

– Вызовите двоих научных экспертов и медэксперта, – заключила она.

Николай Хауг пробурчал несколько слов, унесенных ветром и шумом волн, потом взял рацию и передал приказ инспекторши, настолько же раздражающей, насколько и проницательной.

Через несколько секунд два силуэта в безукоризненно белых комбинезонах уже изучали длинный след, оставленный телом премьер-министра на поросшей травой земле, имея задание выявлять по обеим сторонам дорожки следы, исходя из гипотезы, что кто-то перетаскивал тело, держа за руки.

Медэксперт опустился на колени, чтобы быть на одном уровне с Сарой. Начальник полиции наблюдал за ними, стоя сзади.

– Вы подтверждаете наличие на траве крови? – спросила Сара, осветив три пучка травы, испачканные кровью.

– Конечно... – прошептал Триммер с настороженным видом. – Ноги, когда их волокли по земле, попали в кровь и размазали ее по траве...

– Вот только запачканная кровью полоска травы слишком широка. Шире, чем пара ног.

– К чему вы клоните?

Сара не ответила. Она наблюдала за тщательной работой людей в стерильных костюмах. Тем временем становилось все холоднее и холоднее, а до восхода солнца оставалось минимум три часа. Она воспользовалась паузой, чтобы отправить эсэмэску Кристоферу – успокоить его, сообщить, что благополучно прибыла на место, выразить надежду, что с Симоном все устроилось, что она любит их обоих и уверена, что первый его рабочий день пройдет великолепно.

– Вас, – вдруг обратился начальник полиции, хлопнув ее по плечу.

Он протягивал мобильный телефон.

– С вами хочет поговорить Йенс Берг, министр внутренних дел.

Сара взяла аппарат, встала и отошла от маленькой группы.

– Сара Геринген, – назвалась она, опуская капюшон, чтобы защитить микрофон телефона от ветра.

– Благодарю за то, что так быстро откликнулись на нашу просьбу, инспектор. Нет никакой необходимости вам объяснять, насколько сложна ситуация. Думаю, вы сами это прекрасно понимаете. Что вы нашли?

Сара терпеть не могла иметь дело с высокопоставленными политиками. Не то чтобы она перед ними робела или не доверяла им. Просто все они требовали немедленного результата, четких и ясных ответов, тогда как преступление и его расследование складываются из времени и нюансов.

– По нынешнему состоянию расследования могу сообщить вам три вывода. Первый: в отличие от Николая Хауга я думаю, что случившееся может быть делом рук всего одного человека, прошедшего специальную боевую подготовку, но не принадлежащего к секретным службам русских. Второй: премьер-министр, если судить по татуировке на ее спине, возможно, не была той строгой женщиной консервативных взглядов, какой ее знала публика. Третий: выдвинутое медэкспертом Иоахимом Триммером и начальником полиции Николаем Хаугом предположение о том, как происходило убийство, мне кажется неверным, но я пока не располагаю доказательствами, чтобы подтвердить свою гипотезу. Через полчаса я буду знать об этом больше.

– Послушайте, все, что вы рассказываете, не поможет мне составить заявление, с которым придется обратиться к норвежскому народу, – резким тоном перебил министр внутренних дел. – Вы прекрасно понимаете, что объявление об этом убийстве будет иметь отклики во всем мире, а я не могу использовать ни единого слова из тех, что вы мне наговорили! Я могу отсрочить мое выступление до 17 часов максимум. Сейчас... 4.19 утра. Значит, у вас остается менее двенадцати часов, чтобы представить мне хотя бы достоверный след, ведущий к виновному или к виновным!

Сара отлично знала, что после такой драмы на министра внутренних дел будут показывать пальцем, обвиняя в некомпетентности, а ему придется успокаивать Аллана Даля, председателя Национального собрания, который временно возьмет на себя обязанности премьер-министра до назначения нового постоянного.

– Аллан мне сказал, что вы лучшая, – добавил Йенс Берг. – Что он работал с вами по «делу 488» и полностью вам доверяет. Так что просите у меня все необходимое, но докажите, что заслужили свою высокую репутацию. В противном случае и мое, и ваше имя будут ассоциироваться с одним из величайших провалов в нашей истории!

Сара возвратила телефон начальнику полиции, вопросительно смотревшему на нее.

– Ну что? – поинтересовался Иоахим Триммер.

Сара только пожала плечами. Уступить давлению начальника, кем бы он ни был, означало подчиниться чужой воле. А сегодня Сара была особенно нерасположена нарушать свои правила поведения. Она забыла об угрозах министра, вновь внимательно присматриваясь к работе экспертов, изучавших кровавый след.

Прошло несколько минут, наполненных только воем ледяного ветра, шорохом травы и беспомощными завываниями пенных волн, окружавших остров.

– Я не представился сразу, – заговорил наконец Триммер, потирая руки, чтобы согреться в своих перчатках, – потому что хотел понаблюдать за вами, пока вы не знаете, кто я, посмотреть, действительно ли вы такая, какой вас описывают ваши коллеги: молчаливая, каждую фразу будто скальпелем отрезаете, чтобы сказать только то, что строго необходимо. И красота у вас холодная, как ваш подход к расследованию преступления.

Сара рассеянно слушала медэксперта, сосредоточившись на действиях двух сотрудников, осматривавших дорожку.

Прошло тридцать минут, за которые Триммер несколько раз пытался завязать с ней разговор, но безуспешно. От неподвижного стояния на одном месте Сара начала замерзать. Хотя слова медэксперта согревали ей кровь.

– Инспектор! – вдруг окликнул ее один из сотрудников экспертно-криминалистического отдела, закончивший отработку дорожки до трупа премьер-министра.

Сара обернулась и кивком показала, что слушает. Сотрудник подошел, бросил унылый взгляд на начальника и медэксперта, после чего признался:

– Я не нашел следов ни вдоль дорожки, ни на ней самой. Трава нигде не затоптана. Конечно, на такой почве трудно обнаружить отпечатки, но я заявляю категорически: по этой дорожке не ступала ничья нога.

В маленькой группе новость произвела эффект удара электрошокером. Николай Хауг полез за новой сигаретой, а Триммер недоверчиво посмотрел на Сару.

– А на вашей стороне? – спросила она второго сотрудника.

– Тоже никаких следов. Зато есть тонкие свежие вмятины на обледенелой земле по всей длине дорожки. Они собраны группами по пять штук с каждой стороны борозды и присутствуют через небольшие равные интервалы.

Саре не надо было говорить медэксперту, что ему следует делать. Он подбежал к трупу Катрины Хагебак, сел на корточки, взял ее правую руку и через лупу осмотрел ногти, после чего выругался сквозь зубы.

Сара встала у него за спиной в тот самый момент, когда он опустил левую руку премьер-министра.

– Это она. Никто ее сюда не тащил. Она сама доползла до края площадки, – ошарашенно произнес он.

– Что? Но как вы это заметили? – удивился Николай Хауг.

Сара предоставила объяснить Триммеру:

– На дорожке больше крови, чем оставили бы две ноги, запачкавшиеся в ней, потому что кровь сочилась у нее из живота и попадала на землю и траву. Пять углублений через равные интервалы оставили ее пальцы, когда она цеплялась ими за землю, чтобы ползти – под ногтями грязь.

– Но почему? Почему она это сделала? – громким голосом спросил начальник полиции.

Сара осветила место как раз над головой убитой и заметила отблеск вне зоны освещения прожекторов. Кровь запачкала край скалы, как будто некий окровавленный предмет скатился или сполз там. В этот раз в глаза Саре бросилась рука премьер-министра, вытянутая к обрыву, словно перед смертью она что-то бросила вниз. Сара почувствовала, как учащенно забилось сердце от возбуждения, которое ничто не может заменить.

– Эй, вы куда?! – крикнул ей начальник полиции. – Еще свалитесь вниз – только этого нам не хватало!

Сара опасно приблизилась к самому краю и сделала Триммеру знак подать ей руку, что он тотчас и выполнил.

Потом она медленно наклонилась над пропастью, освещая край скалы лучом фонаря. Внизу серая пена пела свою нескончаемую песню, разбиваясь о каменную преграду. Чуть выше были различимы гнезда спящих птиц. Но единственное, что видела Сара, был небольшой скалистый выступ метрах в десяти ниже. Естественная платформа, на которой покоился большой черный предмет с неразличимыми очертаниями, у которого в свете лампы блеснули две сияющие глазницы.

Глава 7

– Что это такое? – спросил Иоахим Триммер, наклоняясь над пропастью.
– Где спасатели? – спросила Сара вместо ответа. – Туда должны лезть они.
– Они в море, – процедил сквозь зубы начальник полиции. – Хренов кипрский танкер подал этой ночью сигнал бедствия: течь. Так что у них в разгаре эвакуация. Можно связаться с отделением в Вадсё...

– Через сколько они будут здесь?

– Я бы сказал, часа через два, с учетом метеоусловий.

– Две веревки и страховочный пояс! – приказала Сара, обращаясь к начальнику полиции. Николай посмотрел на нее так, как если бы она была не в себе, но все-таки передал по рации ее распоряжение своим людям.

Сара повернулась к медэксперту:

– Проведите детальное вскрытие Катрины Хагебак. Я хочу знать все о ранах на ее груди, плечах и задней части черепа. Начните с плеча. Если они действительно нанесены рукой, то на них больше шансов обнаружить отпечатки пальцев. Также изучите мел и субстанцию, которой он был приклеен.

Иоахим Триммер обратился к стоявшим за ним двоим сотрудникам экспертно-криминалистического отдела:

– Найдите специалиста-геолога и отправьте ему на анализ мел. И перенесите труп в палатку для вскрытия, пожалуйста. Я к вам там присоединюсь. А вы, инспектор... будьте осторожны.

Сара сочла это проявление заботы трогательным, пока он не добавил:

– Не хочу увидеть вас голой на моем столе из нержавеющей стали.

И он ушел ритмичным шагом к задней части дома. Сара ничего не ответила, подумав, что некоторым мужчинам нравится раздевать женщин на словах, когда они не могут сделать этого руками.

– Веревки и страховочный пояс, господин начальник! – сообщил запыхавшийся полицейский, державший в руках два крепких морских каната и пояс.

Сара завладела ими прежде, чем Николай успел взять.

– Проденьте эту веревку за своей спиной, а эту отдайте двоим вашим людям, – попросила она начальника полиции. – Вторую спустите рядом со мной. Я привяжу к ней то, что найду внизу, чтобы вы могли поднять груз. А сейчас дайте мне рацию.

– Вы собираетесь спускаться без света? – спросил ее начальник полиции.

Сара снова посмотрела на скалистую стену, погруженную в полумрак арктической ночи. Она была отвесной, но на ней имелось много выступов. Единственной опасностью было выпустить из рук веревку или разбудить птиц.

Взяв рацию и дождавшись, когда начальник полиции и двое его сотрудников займут свои места, Сара надела страховочный пояс, крепко ухватила за веревку и встала на краю обрыва. Пятки уже повисли над пустотой.

Порыв ветра дернул веревку, подошва ботинка соскользнула со скалы и сорвала камешек.

Сара посмотрела, как он летит вниз, в черную бездну, которую в тридцати метрах ниже лижут пенные волны, и ей стало страшно. Это не был инстинктивный страх падения и смерти, а, скорее, два противоречивых опасения. Во-первых, умереть не выполнив задуманного и не создав семьи с любимым человеком. Во-вторых, и это чувство было более глубинным, в темных уголках ее мозга плавал страх, казалось живший в ней всегда, а сейчас вдруг проявившийся:

страх сам по себе. Та часть ее самой, в существовании которой она не признавалась даже себе, требовавшая разжать руки и уступить зову бездны.

В каком эпизоде ее прошлого следовало искать корни этого смертельного импульса? В психологических травмах, полученных на войне? Возможно. Но казалось, что причина кроется где-то еще дальше. Кто она на самом деле? Неуместный, пугающий вопрос пронзил Сару, как поражает слух внезапный гудок локомотива.

– Готовы?! – крикнул Николай Хауг, чей голос унес внезапный шумный порыв ветра.

Сара помотала головой, выбитая из колеи тем, что поддалась пугающим ретроспективам. Враждебная стихия и мысли о предстоящем трудном спуске помогли ей вернуться в реальность. Она медленно переместила руки вниз по веревке и наклонилась назад. Потом сделала глубокий вдох и, стараясь не смотреть вниз, начала спуск в бездну.

С первого же шага ветер набросился на нее, словно безумный, толкая в пустоту. Волосы хлестали по щеке, тело заносило вбок, однако мышцы вовремя скомпенсировали наклон, и она повисла перпендикулярно склону.

– Все в порядке?! – вопил сверху Николай.

Сара привела мысли в порядок, стараясь не думать о боли, которую причиняла врезавшаяся в ладони веревка.

Она дважды глубоко вдохнула и не стала отвечать Николаю, боясь разбудить птиц, сотни которых гнездились менее чем в десяти метрах ниже.

Воспользовавшись внезапно наступившим затишьем ветра, она быстро опустилась на два метра. Мышцы рук были напряжены от усилия, глаза слезились от раздражения. Она осторожно посмотрела через плечо. До маленького скалистого выступа оставалось каких-то два метра.

Сонная артерия пульсировала так, что перехватывало горло. Сара передвинула вдоль скалы правую ногу, затем левую. Еще немного усилий – и она будет в безопасности. Если не считать уверенности, что за ней наблюдают. Она повернула голову направо и оказалась почти нос к носу с крючковатым оранжевым клювом тупика. Спрятавшийся за скалистым навесом, он был незаметен сверху.

Неподвижно сидевшая птица пристально смотрела на нее. Сара знала: если тупик нападет, то будет целить в глаз. Внизу рев волн усилился, предвещая шторм. Ветер гнал ее к птице, а внизу прибой исполнял свою мрачную песню, словно призывавшую к схватке.

Птица распушила перья, приоткрыла клюв... И ударила.

Сара отпрянула назад, скользя вниз по веревке. Перед глазами пронеслась вся жизнь. Верх и низ больше не существовали. Удар был моментальным. Отброшенная к стене, она почувствовала, как соскальзывают с выступа подошвы, а плечо врезается в скалу. Град камней рухнул вниз, и тут же в хаосе пронзительных криков в небо взметнулся пернатый ад.

Наверху сотрудники полиции увидели тучу взлетающих перепуганных птиц.

– Держите крепче! – заорал Николай Хауг, испугавшись, что его люди инстинктивно отпустят веревку, чтобы спастись.

Ошеломленная птичьим переполохом, Сара стала спускаться со всей возможной скоростью. И тут птица ударила ее крылом по лицу, нога соскользнула с выступа скалы, она выпустила веревку, упала и покатилась к краю узкого выступа, за которым разверзлась пустота.

Сара вытянула руку и ухватила за каменистый гребень. В отчаянном желании выжить пальцы спазматически вцепились в него. Ноги ее болтались над бездной, скалы тянули к ней свои острые зубы. Она упрочила захват, схватившись за гребень и другой рукой. Затем, из последних сил, с криком ярости подтянулась на руках. Ей удалось упереться локтем в плоский выступ и заползти на узкую площадку.

Прижавшись щекой к влажному камню, обессилевшая, в состоянии полной паники, она дважды жадно вдохнула воздуха, и ее едва не стошнило. Отвратительный запах гниющей плоти выворачивал желудок. Она подняла глаза и невольно содрогнулась от ужаса.

С окровавленной шерстью, с разинутой пастью, в которой торчали сломанные зубы, с расширенными ноздрями, опираясь на один рог на скалистом выступе лежала бычья голова.

Словно загипнотизированная, Сара приподнялась на скале. Почуявшие падаль птицы приблизились к ней на опасное расстояние. Сара взяла вторую веревку, висевшую вдоль обрыва и крепко обвязала ею голову животного, после чего дважды резко дернула, давая сигнал поднимать груз.

Сара удостоверилась, что на платформе ничего больше нет, дала себе несколько минут отдыха и стала подниматься, используя те немногие силы, что еще у нее оставались. Она трижды дернула за веревку, соединенную с ее страховочным поясом, предупреждая, что возвращается, и начала подъем.

Ей потребовалось менее пяти минут, чтобы ухватиться рукой за край площадки наверху. Николай подбежал, чтобы помочь ей. Вид у него был настолько встревоженный, насколько усталый от усилий, приложенных для того, чтобы помочь Саре подняться.

– Ну, вы на нас нагнали охренительного страха! Твою мать, вы же ранены!

Сара провела пальцами по верхней части щеки и почувствовала боль, стрелявшую под глазом. Ничего серьезного.

– Опять под тот же самый глаз, – бросил Николай Хауг, намекая на шрам Сары.

Ничем не показывая страха, который еще терзал ее, она направилась к бычьей голове, лежавшей словно деталь кровавой бойни, забытая на поле битвы. Прожектор, еще недавно освещавший труп премьер-министра, теперь лил свой холодный белый свет на полуоткрытую пасть быка.

Сара жестом подозвала двоих медиков из экспертной группы. Она обратилась к тому, кто был выше ростом. У него были курчавые волосы и добрый взгляд.

– Ваше имя?

– Геральд Мадкин.

– Вы займетесь сравнением крови животного с образцами, найденными на следах, оставленных жертвой. В доме и снаружи, на траве. Я хочу знать, с какого точно места Катрина Хагебак тащила это, а еще хочу иметь точную картину преступления до того момента, как премьер-министр выбралась из дома. Где находилось тело премьер-министра? Где была бычья голова?

Оба полицейских кивнули и направились к своей тележке за шприцами, пипетками, шпателями и контейнерами, необходимыми для взятия проб.

– Стало быть, именно это Катрина Хагебак сбросила со скалы... – проронил Николай Хауг, садясь на корточки. – Дерьмовую бычью голову, воняющую падалью. – Невозмутимость бывалого профессионала, начальника полиции, сменилась недоверчивой гримасой. – Но что она делала с этой штукой?

– Я бы хотела заняться списком подозреваемых и разобраться... с этим, – заявила Сара, не сводя глаз с головы животного. – Время поджимает.

Начальник полиции как будто не слышал. Окаменев от изумления, он не мог понять, как такие странные события могли произойти в его маленьком округе.

– Офицер Хауг! – вернула его к реальности Сара, показывая на часы.

Он распрямился, массируя затылок и при этом не отрывая взгляда от бычьей головы.

– О'кей, о'кей...

Сара первой пошла быстрым шагом к дому. Прежде чем начальник полиции догнал ее, она взяла рацию и попросила офицера Ингрид Вик через десять минут подняться на второй этаж дома.

Затем она прошла на площадку второго этажа, служившую премьер-министру кабинета. Сотрудница экспертно-криминалистического отдела, проводившая осмотр этой части дома, собирала свои инструменты.

– Подождите, – попросила ее Сара.

Лет сорока, черные волосы с проседью, темные круги под глазами, землистый цвет лица – казалось, эта женщина собрала на своем лице понемногу от каждой смерти, обстоятельства которой исследовала.

– Я Сара Геринген, руковожу расследованием. Ваше имя?

– Эмили Шарран.

Сара сразу же узнала французский акцент и перешла на родной язык собеседницы.

– Вы закончили осмотр этой комнаты?

В глазах женщины с усталым лицом промелькнул огонек удивления.

– Э-э-э... да. Я иду к компьютеру, чтобы приступить к анализам, – ответила она, тоже на французском.

– Осмотрите рации SVR-19 сотрудников личной охраны, – продолжила Сара. – Это более срочно. Я хочу знать, записали ли они хоть что-то в последние мгновения.

– Слушаюсь, инспектор.

– Эй, что это за разговоры? – раздраженно спросил на норвежском начальник полиции Хауг, встретив женщину-эксперта наверху лестницы.

– Я попросила ее изучить рации. Она француженка, и я разговаривала с ней на ее родном языке. Не для того, чтобы скрыть что-либо от вас, а с целью создать с ней лучший контакт.

Николай пожал плечами, потом протянул дезинфицирующий пластырь Саре, которая поблагодарила и приложила его к раненой щеке.

– Вы курите? – спросил он, предлагая ей свою пачку сигарет.

Она покачала головой, вспомнив времена, когда приняла бы угощение или даже сама попросила бы сигарету прежде, чем ей ее предложили. Но это было до того, как она поняла, что чем меньше симпатий возникнет между коллегами, тем лучше пойдут дела. Начальник полиции вытряхнул из пачки сигарету, прикурил и прищурил свои синие глаза, когда их защищало от дыма.

– Вы все-таки офигенная женщина! – бросил он, придвигая стул, чтобы сесть, тогда как Сара осталась стоять. – Значит, это не треп, все то, что рассказывали о ваших профессиональных достижениях. Я был бы счастлив иметь здесь таких работников, как вы! А не тех клуш, с которыми приходится пахать!

«А они были бы счастливы, если бы их начальник не был женоненавистником высшей категории, таким как вы», – хотела ответить Сара, но для того, чтобы расставить в этом пункте все точки над *i*, она приготовила другие аргументы. Которые собиралась использовать в свое время.

– Вы провели здесь всю жизнь. Откуда могла взяться эта бычья голова? В окрестностях есть скотоводческие хозяйства?

– Слушайте, я не знаю, как вам удастся переваривать все находки, которые делаются, но лично мне нужно немного времени, чтобы привести мозги в порядок.

Вот времени у Сары не было. Не только потому, что она понимала необходимость срочно представить данные министру внутренних дел, но и потому, что отнюдь не была уверена в том, что тот или те, кто учинили здесь бойню, не повторят то же самое в самые ближайшие часы в другом месте.

Но Сара понимала и важность паузы в любом расследовании. Поэтому дала Николаю несколько минут.

Он сделал новую затяжку, но в этот раз дольше обычного задержал дым в легких, прежде чем выдохнуть его.

– Значит так: бычья голова, приклеенный к руке мел, что-то вроде плана, вытатуированного на спине, дырки в теле, казнь мечом, – заговорил начальник полиции. – И мы говорим о нашем премьер-министре! О той самой женщине, которая объясняла нам по телевизору необходимость очередного снижения зарплат, или о том, что мы должны играть более важную роль в Евросоюзе, или... Она выглядела совершенно нормальной!

Николай как будто ожидал от Сары реакции – одобрения или даже осуждения. Но единственный вывод, к которому Сара пришла, услышав слова Николая, был таков, что ей теперь придется не только искать убийцу или убийц, но и разбираться в прошлом самой жертвы. Стало очевидно, что Катрина Хагебак была совсем не такой, как та публичная персона, которую все знали.

Начальник полиции некоторое время рассматривал Сару, и она подумала, что сейчас он бросит ей в лицо, что с него довольно этого молчания. Но Хауг только указал пальцем на ее щеку.

– Снимите пластырь, пока он не присох к корке, а то потом, когда будете его отдирать, снова пойдет кровь. Жаль будет портить такие милые веснушки.

Сара сняла пластырь, убедилась, что ранка больше не кровоточит, потом сложила пластырь и сунула в карман, чтобы не мусорить на острове.

– Итак, по порядку, – сказала она наконец. – Отработайте все местные скотоводческие фермы, бойни, мясокомбинаты на предмет установления места, где была куплена или украдена бычья голова. Во-вторых, найдите мне кого-нибудь, чтобы просканировать стены комнаты страха. В такого рода помещениях зачастую устанавливают сейфы. Возможно, и в этой есть. И возможно, именно его искали убийцы. Если мы узнаем, что в нем хранится, это даст нам наводку на мотивацию действий нападавших, то есть поможет составить их психопрофиль. В-третьих...

– Грубо говоря, я в этом деле становлюсь вашим помощником, да?

– Скажем так: в ожидании прибытия других членов моей команды, вы являетесь наиболее квалифицированным и наиболее опытным сотрудником, который способен помочь мне максимально быстро отвечать на вопросы министра внутренних дел.

Начальник полиции посмотрел в глаза Саре, показывая, что она его не провела.

– Ну что, если так, по крайней мере, разок поработаю перед отставкой под началом женщины. Это не...

– Вы знаете, для кого предназначалась комната, оборудованная как больничная палата? – перебила Сара.

– Хм... – кашлянул Николай, пряча подальше свою гордость. – Да, для отца премьер-министра. Он лечится в больнице Вадсё – у него проблемы с сердцем. Когда премьер-министр приезжает сюда, она забирает его, и они вместе проводят здесь уик-энд.

– Почему его здесь нет сегодня?

– Я задал себе тот же вопрос и позвонил в больницу. Он там. Вчера утром ему стало хуже, и они решили оставить его под наблюдением.

– Полагаю, он еще не в курсе.

– Абсолютно. Учитывая его состояние, его можно вычеркнуть из списка подозреваемых.

– Из списка подозреваемых непосредственно в нападении, но не из списка потенциальных заказчиков, – поправила Сара.

Николай поджал губы и удивленно поднял брови, такие светлые, что казалось, будто они выщипаны.

– Да ну, я знаю этого человека. Он местный, бывший рыбак. Старик никому не причиняет зла и хочет тихо-спокойно дожить свой век, и, если возможно, рядом с дочерью. Впрочем, вы начальница, вам виднее. Кстати, каковы ваши предположения? Кто мог проделать такую сложную операцию?

Само собой разумеется, что в случае убийства члена правительства в первую очередь начинают разрабатывать версию о виновности политического противника. А единственными противниками Катрины Хагебак, кто питали к ней настолько сильную ненависть, были члены крайне правой партии, называемой Партия прогресса. Но, как уже отметила Сара, использованный способ был не самым простым и прямым. Бычья голова, раны на торсе, меч... Нет, эти люди не стали бы устраивать столь сложную мизансцену, а устранили бы препятствие своей идеологии более просто.

– У Катрины Хагебак были здесь враги?

– Насколько мне известно, нет, а я считаю, что неплохо информирован о происходящем в моем графстве. Жители Вардё знали, что она приезжает сюда побыть в покое. Никто не навещал ее на острове, а она сама никогда не бывала в городе. Люди уважали ее покой. По правде говоря, они даже гордились, что набирается сил у нас.

– На маяке есть смотритель?

– Да, но по выходным его не бывает, потому что порт закрыт. Раз уж речь зашла о нем, я знаю, что Катрина Хагебак и Олаф иногда разговаривали. Но только как соседи, которые вежливо раскланиваются при встрече. Ничего больше.

– Тем не менее это знакомый такого рода, которому без опаски открывают дверь.

– Вы подозреваете, что Олаф мог провернуть подобное дело?

– Для меня Олаф не более как одно из имен в списке, а не парень из моего города, знакомый мне с детства, и, с моей точки зрения, он входит в число подозреваемых. Так что он попадает в число тех, чье времяпрепровождение необходимо проверить. Как и всех прочих, составлявших ближний круг общения Катрины Хагебак в районе. Через шесть часов мне необходим четкий распорядок дня всех ее знакомых по работе, родственников и друзей, живущих в округе. Я запрошу у Осло помощи в проведении тех же изысканий на национальном уровне. Также ищите всех свидетелей, которые могли заметить в Вардё чужака, прогуливающегося поблизости или садящегося на судно, идущее к острову, вчера утром и вчера вечером.

– Думаете, это непременно кто-то из местных?

– Нет, просто других слишком много, чтобы всех можно было бы допросить. Мне необходимо получить заключения экспертов, чтобы попытаться составить максимально точный профиль убийцы или убийц.

Николай кивнул, раздавил сигарету в коробочке и выпрямился во весь свой немалый рост. Когда он брал перчатки, то делал это несколько дольше, чем обычно. Сара чувствовала, что он хочет, но не решается ей что-то сказать.

– О чем вы думаете, Николай?

Тот усмехнулся и смерил ее взглядом.

– Вы что, никогда не останавливаетесь?

Она терпеливо ждала, приглашая его своим спокойствием открыть ей мысли.

– Что они искали, те, кто это сделал? Я хочу сказать: они перевернули весь дом, ломали стены, пытали ее... что такое она прятала? И нашли ли они это?

Не перебивая, Сара кивнула.

– И потом, не знаю, но вся эта мешанина из бычьей головы, мела, дырок в теле, ударов мечом... скажите честно, у вас не возникает мысли, что это какой-то... сатанистский ритуал?

Сара хотела сказать, что она предполагала сделать в этом направлении, но тут на лестнице послышались шаги.

– А вы что тут делаете? – пробурчал начальник полиции Вардё.

Ингрид Вик, втянув плечи, смотрела на начальника с испугом ученика, стоящего перед директором школы.

– Это я попросила ее прийти, – тут же сказала Сара. И, повернувшись к Ингрид, добавила: – Я хочу поручить вам одну работу.

Молодая женщина робко подошла, немного сутулясь, с лицом словно застывшим в боязни помешать, голубые глаза, глубоко сидящие в глазницах, старались не смотреть на собеседников прямо.

– Мне необходимо узнать всё о ритуалах, сатанистских или нет, религиозных и прочих, в которых используется бычья голова, – объявила Сара. – Мне это нужно знать как можно скорее. Через два часа.

Не надо было быть таким внимательным наблюдателем, как Сара, чтобы заметить волнение в глазах молодой сотрудницы полиции. Она взглядом попросила подтверждения у начальника, который с трудом сдерживал свое недовольство.

– С этого момента, занимаясь данным делом, обо всем, что узнаете, вы будете докладывать лично мне, – заявила Сара, чтобы пресечь любые возражения.

Николай не успел сыграть роль посредника.

– Слушаюсь, инспектор.

Молодая женщина по-уставному кивнула начальнику и повернулась кругом.

– Значит так? Вы все предусмотрели, я даже ничего не успел сказать. Еще раз повторю: вы заслужили свою репутацию. Вот только, если она плохо выполнит ваше поручение, вам придется обижаться только на себя. Вам следовало бы прежде посоветоваться со мной, я бы порекомендовал более квалифицированного специалиста, чем она.

– Может быть, но у него не было бы такого, как у нее, мощного стимула показать, чего он стоит. Хотя бы ради того, чтобы отомстить за ваше унижительное обращение с нею.

Начальник полиции пошел вниз по лестнице, пробормотав несколько нелестных слов о женском поле.

– Николай! – окликнула его Сара и посмотрела на часы. – С этого мгновения у нас официально остается одиннадцать часов и двадцать семь минут.

– Если мы будем суетиться под давлением сверху, дело ни хрена быстрее не пойдет! – отозвался он.

– Учитывая характер вопросов, которые им будут задавать, люди начнут о чем-то догадываться, пойдет утечка информации. Так что у нас в запасе три, максимум четыре часа до того, как Вардэ захватят десятки возбужденных журналистов, из-за которых вам придется все наличные силы бросить на предотвращение давки. Поверьте, вы больше не сможете спокойно работать. И это еще не считая паники, которая охватит местных жителей, а скоро и всю страну. Это будет настоящий катаклизм, Николай. Так что если вы можете хоть раз признать правоту министра внутренних дел, то сейчас как раз такой случай: будем делать свою работу как можно лучше, но и как можно быстрее.

– Я возвращаюсь на материк, чтобы руководить допросами. Думаю, на острове я вам больше не нужен. На случай, если понадобится, вот мой номер, – сказал он, протягивая ей визитную карточку.

Потом начальник полиции исчез из виду внизу лестницы, и Сара услышала его тяжелые шаги на первом этаже.

Она завела на часах будильник, чтобы дать себе две минуты передышки, и привалилась к стене мезонина. От недосыпа болела голова, мышцы ныли от холода, и в ней все еще жил страх, пережитый, когда она висела на скале. В основном это непонятный страх, испытанный ею по отношению к самой себе, на который она оказалась способна.

Сара стала думать о сестре, родителях, друзьях, коллегах и, главное, о Кристофере и Симоне, которые скоро узнают новость об убийстве премьер-министра.

Она уже сейчас испытывала шок, который скоро охватит всю страну, а потом и часть мира. Самые безумные версии будут подпитывать разговоры в каждой норвежской квартире, куча вопросов будет крутиться по телевидению и в головах пяти миллионов не совсем проснув-

шихся норвежцев. Сердце забилося сильнее, дыхание участилось, челюсти сжались. Ее буквально изводило желание закурить сигарету.

Будь рядом с ней Кристофер, он бы нашел слова и жесты, чтобы ее успокоить. У них всегда было так. Когда один дрожал, другой не испытывал страха или, во всяком случае, не показывал его. Это было лицемерие, скорее острое осознание нужности одного другому. Взаимная щедрость, проявившаяся два года назад во время тяжелого испытания, когда Сара помогла Кристоферу спасти Симона от верной смерти.

В тяжелые моменты, связавшие их и заложившие основы их пары, они всегда протягивали друг другу надежную руку помощи. Между ними было абсолютное доверие, из которого выросло желание, а потом обещание взаимного счастья.

Чтобы компенсировать отсутствие Кристофера, Сара вернулась к привычке, от которой отказалась менее трех лет назад. Она достала из кармана карандаш и маленький блокнот с заметками по расследованиям, который всегда носила с собой.

Потом она принялась рисовать тело Катрины Хагебак, поза которого, раны и татуировка делали это убийство таким таинственным. Как будто она столкнулась с загадкой, большей чем убийство. Словно разгадать символику было важнее, чем установить мотив преступления.

Сосредоточенность на рисунке успокоила ее, мозг работал, рассматривая предположения на грани безумия. А что, если Катрина Хагебак сама убила своих телохранителей, прежде чем устроить собственную смерть? Это объяснило бы отсутствие следов взлома и легкость, с которой были уничтожены трое сотрудников службы безопасности. А что, если отец Катрины не так уж тяжело болен, как это утверждают, и только симулировал ухудшение самочувствия, чтобы отвести от себя подозрения?

По мере того как грифель карандаша скользил по листу, она мысленно прокручивала самые абсурдные идеи, словно для того, чтобы они не забивали ей голову, оставаясь нерассмотренными вариантами. Напряжение ушло, осталась только сосредоточенная работа мозга.

Она собиралась убрать свой блокнот с рисунком, как вдруг звякнул телефон, извещая о полученном сообщении. Насколько прекрасно она владела своими реакциями на людях, настолько же легко краснела в интимной обстановке.

Сара собиралась быстро набрать ответ и пойти к экспертам узнать, что они нашли, но тут у нее на поясе зажужжала рация.

– Иоахим Триммер вызывает Сару Геринген.

Медэксперт говорил быстрее, чем во время их прошлых бесед.

– Слушаю, – ответила она, взяв рацию.

– Вам лучше зайти и посмотреть самой. Я... я думаю, что мы кое-что нашли.

Сара не обратила внимания на скачок, который сделало в груди сердце.

Она встала и побежала в палатку, где делали вскрытие.

Глава 8

Сидя на кровати, Кристофер подождал минуту, глядя на экран телефона и не строя иллюзий относительно немедленного ответа Сары на его сообщение.

Будильник показывал 5.39. Кристофер только что очнулся от нервного сна с ощущением, что в цепочке его мыслей со вчерашнего дня не было никакого перерыва.

Занятый внезапным отъездом Сары, предстоящим первым рабочим днем в крупном норвежском издании и обидой Симона, его мозг нагромождал тревоги одну на другую, образуя пирамидку.

Не волнуйся, с ней все будет хорошо, повторял себе Кристофер, слезая с кровати. Вспомни, что она спасла жизнь тебе и Симону, стало быть, и свою, в случае необходимости, защитить тоже сможет.

Относительно успокоившись, Кристофер направился проверить, хорошо ли спит Симон после вчерашней истерики.

Подсвечивая себе карманным фонариком, ступая босыми ногами по мягкому гостеприимному ковру, он тихо подошел к двери комнаты мальчика. И тогда, когда уже собрался ее приоткрыть, заметил приклеенный скотчем листок бумаги, которого вчера там еще не было. На листке от руки было написано:

«Она никогда не станет моей мамой, а ты не мой папа».

Исходи это от какого другого ребенка, Кристофер, возможно, даже улыбнулся бы, сказав себе, что это истерика, блестяще выставленная напоказ обида, которая через полчаса забудется.

Но сейчас им овладела острая тревога.

После гибели в автокатастрофе отца и матери, восьмилетний мальчик потерял смысл жизни.

В то время его дядя Кристофер вел бессмысленную жизнь, постоянно летая в дальние страны и так же постоянно меняя женщин, в поисках острых ощущений и наслаждений без каких бы то ни было обязательств. Тем не менее он постоянно общался с племянником, которого вывозил на прогулки не реже, чем раз в месяц.

Узнав о трагедии, Кристофер отказался отдавать Симона в приемную семью и буквально на следующий день совершенно изменил свою жизнь, чтобы поселить мальчика у себя и взять на себя роль, в которую даже в мыслях никогда к себе не примерял: роль отца. Сменив адреналин своей профессии военного корреспондента на работу журналиста научного отдела одного парижского журнала, порвав со своими подружками, он посвятил себя созданию размеренной, спокойной и доброжелательной к Симону среды обитания. Комната по его вкусу, регулярные еда и сон, ежедневный обмен новостями, приглашение в дом школьных друзей и подружек, никаких женщин в квартире. В конце концов, он вообще ушел с постоянной работы и стал фрилансером, чтобы самому провожать Симона в школу и встречать его после уроков.

Первые шаги были ужасными. Симон замкнулся в мрачном молчании, отвергая Кристофера и заявляя, что хочет умереть, чтобы воссоединиться со своими настоящими родителями.

Но, благодаря терпению, восхищавшему его знакомых, Кристофер сумел приручить Симона. Не будучи его отцом, он, мало-помалу, стал самым внимательным и заботливым его «заместителем», какого только может желать ребенок.

Потом случилось трагическое «дело 488». Но, вопреки всем опасениям, это событие их сблизило. Мальчик инстинктивно понял, что дядя и эта Сара, которая ему помогала, готовы были пожертвовать ради его спасения своими жизнями. Как будто они были его настоящими родителями.

Вечером их возвращения в Париж, Кристофер со слезами на глазах увидел, что Симон заснул не в толстовке покойного отца, а в своей, спросив перед этим, увидят ли они ту женщину с рыжими волосами.

Несколько месяцев спустя они покинули Париж и переехали к Саре в Осло, где зажили настоящей семьей, дав наконец Симону надежный и теплый очаг.

Во всяком случае, до сегодняшнего вечера Кристофер надеялся, что это так.

От тревоги, что Симона вновь начнут терзать демоны одиночества и страха, он почувствовал тошноту. Он открыл дверь и различил фигуру Симона, лежащего на кровати. Но спал ли он на самом деле? Кристофер рискнул войти, но тут же услышал под ногами шорох мнущейся бумаги.

В этот момент луч фонарика выхватил опустошенную картонную коробку и десятки газетных вырезок, разбросанных по полу. Симон все это вывалил в своей комнате. И, к несчастью для него, Сара перевела заголовки на французский для Кристофера.

«Дагбладет»:

Инспектор норвежской полиции раскрывает заговор ученых и спасает мальчика.

«Дагенс Нэренгслив»:

Дело 488: инспектор Сара Геринген кладет конец тридцати годам лжи в психиатрии.

«Дагсависен»:

Рыжая женщина с севера нарушила служебную дисциплину ради спасения жизни мужчины и его племянника.

«Афтенпостен»:

Осло: больница в Гёустаде в самом сердце жестоких экспериментов и пыток над людьми.

И в центре всех этих вырезок общего характера лежало фото из таблоида VG, на котором Сара и Кристофер держали Симона за руку у выхода из аэропорта Осло, а подпись под снимком гласила:

«Всего лишь через месяц после развода героиня из Осло надевает наручники на своего нового возлюбленного – француза!»

Статья с каким-то болезненным наслаждением в подробностях сообщала, как маленький Симон страдал после гибели родителей в автокатастрофе годом ранее.

Кристофер и Сара сохранили все эти газеты, чтобы показать их Симону, когда пройдет время и затянутся раны. Они хотели наложить ясные слова на уже деформированные воспоминания.

– Что ты делаешь в моей комнате?

Кристофер вздрогнул и ослепил Симона, направив на него фонарь.

– Пришел посмотреть, спишь ты или нет.

– Оставь меня в покое!

Кристофер заколебался. Подходящее ли время 5.45 утра, чтобы начинать трудный разговор с обиженным и невыспавшимся ребенком? Конечно нет. Но мозг его уже был занят мыслями о предстоящем первом рабочем дне и тревогами, окружавшими отъезд Сары, и он уступил искушению избавиться от тревоги в этом деле, решив его как можно скорее.

– Симон, я прочитал записку, которую ты приклеил к двери. Я понимаю, что ты обиделся, но Сара сама не хотела, чтобы случалась такая суматоха, и еще меньше ей хотелось улетать вот так, внезапно, посреди уик-энда. Ты знаешь, как она тебя любит и как хочет, чтобы все мы были вместе. Она скоро вернется.

– Отстань! Ты ничего не понимаешь!

– Но ты-то, ты уже взрослый и понимаешь, что произошедшее этим вечером – случай исключительный. Это не является частью обычной работы Сары. Она сама мне сказала, что

раньше с ней такого никогда не было. И что подобные неприятные сюрпризы больше не повторятся.

– Ты мне это уже говорил и сам видишь: это началось опять! Ты врешь, ты все время врешь! Они все время возвращаются! А вы, вы меня бросите, я знаю. Уходи!

В истеричных криках слышалась нотка отчаяния, которая разрывала Кристоферу сердце.

– Хорошо, малыш, я уйду. Я буду в своей комнате. Ты можешь прийти ко мне, когда захочешь. Я тебя никогда не брошу. Никогда. Ни я, ни Сара. Я люблю тебя.

– Уходи!

Кристофер прикусил губу, но он знал, что Симон, получив подтверждение того, что приемный отец о нем заботится, теперь нуждается в одиночестве, чтобы успокоиться.

Он вернулся в свою комнату, сел на кровать и посмотрел на телефон, спрашивая себя, где сейчас Сара и что это за серьезное дело, из-за которого за ней прилетели в выходной.

Он еле удержался, чтобы отправить ей новое сообщение, но не хотел помешать и пошел в ванную, когда телефон подал сигнал о получении эсэмэс.

Сгорая от нетерпения прочитать ответ Сары на свое «непристойное» предложение, он с удивлением обнаружил незнакомый номер.

Глава 9

– У вас была хорошая идея – предложить мне начать вскрытие с ран на ее правом плече.

Стоя перед столом, на котором лежал труп Катрины Хагебак, Иоахим Триммер, с маской на лице, протягивал Саре склянку с камфорным маслом, которую она поспешила поднести к носу. Даже в этой палатке, открытой всем ветрам, воздух был отравлен запахом разложения.

– И что вы обнаружили? – поторопила его Сара, стараясь сосредоточиться на запахе камфары, которому едва удавалось приглушить запах смерти.

Триммер показал пальцем на свой компьютер, установленный на столе из нержавеющей стали.

– Там, на экране, вы видите увеличенное изображение ран на плече. Ясно различимы длинные царапины, идущие от лопатки к ключице.

Медэксперт говорил, указывая на детали на снимке стержнем своего фломастера.

– Как вы можете убедиться, края ран неровные и «елочкой». Поскольку не обнаружил никаких следов металла, пластика или дерева, я практически уверен, что данные повреждения причинены не инструментом или оружием. Эти раны могли быть нанесены только ногтями.

– Ближе к сути, – перебила его Сара.

Триммер на секунду прикрыл глаза, словно удерживаясь от того, чтобы ответить дерзостью.

– Вижу, мы с вами, инспектор, оба отличаемся живостью ума, – вежливо сказал он, – но мне приходится так подробно излагать вам ход моих исследований, дабы вы были абсолютно уверены, что мои выводы верны.

– И...

– Я измерил ширину ран. Короче, пять борозд, повредивших кожный покров, абсолютно идентичны по ширине пальцам Катрины Хагебак. И это даже с учетом посмертной деформации тканей. – Триммер бросил взгляд на Сару, сохранявшую невозмутимость, и добавил: – Она сама нанесла себе эти раны, инспектор. А чтобы добиться ран такой глубины, она повторяла свои действия неоднократно и... скажем, с большой силой, чтобы не сказать с яростью. Каждый раз царапая те же самые борозды, как если бы хотела содрать кожу именно на этом участке. Под ее ногтями я обнаружил частицы кожи, смешанные с землей. Мне осталось установить, что это ее кожа, а не ее мучителя, но я в этом почти не сомневаюсь.

Триммер ожидал, что Сара удивленно раскроет глаза или хоть как-то проявит свое изумление, но она оставалась совершенно невозмутимой и неподвижной.

– Инспектор? – позвал эксперт. – Вы меня слушаете?

Сара бросила на него ледяной взгляд, надолго отбивший у него охоту к подобного рода репликам.

Она размышляла.

Может быть, Катрину заставили истязать себя? Но почему именно это место, а не какое-то другое?

Порыв ветра надул палатку, просочившись в щели на местах соединения ее частей. Сара вздрогнула.

Не столько от холода, сколько от появившейся у нее мысли.

Катрина Хагебак сама доползла до края скалы, хотя все они сначала думали, что туда ее принесли убийцы, а теперь оказывается, что она сама нанесла себе рану на плече. Но если это так, то зачем она это сделала?

Несмотря на свое замешательство, Сара заметила, что Триммер с терпением ждет, когда она снова уделит ему внимание.

– Я нашел кое-что еще... – объявил он.

Сара подошла к экрану компьютера, на который медэксперт вывел увеличенные фотографии ран на плече. На одной из них красный кружок выделял зону в верхней части истерзанного плеча.

– Я его чуть не пропустил, настолько он поврежден царапинами, – пояснил Триммер. – Но все-таки вот он: фрагмент отпечатка пальца прямо на коже. Вот, смотрите. И, – добавил он, опережая Сару, уже открывшую рот, – могу вам сразу категорически заявить, что данный фрагмент отпечатка не принадлежит Катрине Хагебак.

На сей раз Сара не сдержалась, и в ее глазах сверкнул огонек возбуждения, не ускользнувший от эксперта.

– Не спешите радоваться. Я вынужден вас разочаровать. Насколько уверенно я могу заявить, что этот фрагмент отпечатка не принадлежит Катрине Хагебак, настолько же он не пригоден для того, чтобы по нему найти того, чей он. Там отсутствуют три четверти. Смотрите сами.

Действительно, увеличенное изображение представляло фрагмент отпечатка пальца размером максимум в один сантиметр. Для создания контраста Триммер присыпал его черным магнитным порошком. Эта крохотная улика, находилась на конце одной из пяти ран, словно плохо стертый след.

– С половиной отпечатка еще можно было бы попытаться сделать реконструкцию путем экстраполяции, но здесь это просто невозможно, – продолжил медэксперт.

Сара взяла рацию и попросила первого технического специалиста экспертного отдела, который освободится, подойти к ней.

– Другие отпечатки пальцев на теле? – поинтересовалась она без всякой надежды.

Триммер с расстроенным видом покачал головой.

– Это первое, что я проверил после обнаружения вот этого. Других нет.

Сара подошла к голому бледному телу Катрины Хагебак, лежащему на ледяном столе для вскрытия, и уставилась на царапины на ее плече. Она почувствовала, что волосы на руках встают дыбом, когда наконец решилась четко сформулировать невероятную гипотезу, вызревавшую в ней уже несколько секунд.

– Инспектор?

В палатку вошел маленький лысый человек лет тридцати, одетый в белый комбинезон и синие перчатки экспертно-криминалистического отдела полиции.

– Вы видите на экране фрагмент отпечатка пальца, – без церемоний объяснила ему Сара. – Можно установить его владельца?

Молодой человек быстро подошел, посмотрел на экран и смущенно поднял брови.

– Ну... скажем так: единственный способ – это сравнить данный фрагмент с полными дактилокартами всех подозреваемых. В противном случае компьютерная поисковая программа выдаст астрономическое количество совпадений. Хотя целые отпечатки пальцев каждого человека индивидуальны, отдельные фрагменты во множестве повторяются.

Молодой полицейский, похоже, быстро соображал. Саре это нравилось.

– Тем не менее запустите поиск и передайте результаты лично мне. Я позабочусь, чтобы их отправили в Осло в мою группу, чтобы попытаться произвести отсев.

– Слушаюсь, мадам, – ответил молодой эксперт, взглядом спрашивая Триммера.

– Я сейчас загружу фотодосье в вашу сеть, – ответил медэксперт и застучал пальцами по клавиатуре своего компьютера.

Специалист по дактилоскопии коротко кивнул на прощание и вышел из палатки.

Сара не строила никаких иллюзий относительно результатов его будущих поисков. Но она не могла себе позволить роскошь пренебречь даже таким следом.

– Вот ведь невезение, что единственное место, где был чужой отпечаток, оказалось так повреждено, – пожаловался Триммер, звонким щелчком по клавиатуре запуская передачу последней части картотеки.

Сара посмотрела на него и едва сдержала неуместное замечание относительно его недовольства. Но неужели он не увидел связь?

Единственное место, где он нашел отпечаток пальца возможного убийцы, позволивший бы установить его личность, по странному стечению обстоятельств оказалось и единственным местом тела Катрины Хагебак, которое та расцарапала до крови.

Чувствуя, что сердце колотится, как перед прыжком с парашютом, Сара прошептала, обращаясь как к медэксперту, так и к себе самой:

– Катрина Хагебак намеренно старалась стереть этот отпечаток.

Глава 10

Ровно в 7.45 Кристофер вошел в кафетерий в центре Осло, расположенный в сотне метров от французской школы имени Рене Кассена. Он только что отвел туда Симона, предварительно договорившись с ним, что вечером за ним придут родители Сары, у которых он побудет до среды. Перед выходом из дома Кристофер нашел Симона в его комнате с рюкзаком на спине и с написанным от руки плакатом в руке: «Я хочу отсюда уехать. *Симон*».

Мальчик наотрез отказался от любых форм контакта, несмотря на все усилия встревоженного Кристофера. Тот решил выполнить просьбу приемного сына, надеясь, что несколько дней разлуки покажут Симону, насколько ему необходимы Кристофер и Сара.

Входя в школу, мальчик не захотел поцеловать приемного отца. Кристофер смотрел ему вслед, и на сердце у него было тяжело от того, что он не смог облегчить страдания Симона.

От своих переживаний он был отвлечен мужчиной, сидевшим в глубине зала и махавшим ему рукой. Неизвестному было лет пятьдесят, матовое лицо, кончик носа, казалось, собирался дотянуться до рта, редкие седеющие волосы, разделенные косым пробором, и большие очки в массивной оправе, очень хорошо сочетавшиеся с его старым коричневым пиджаком.

Кристофер пробрался к нему между посетителями и пьянящими ароматами кофе латте, старого доброго венского кофе в чашке, увенчанной горой крема «Шантильи», и сдобы, только что извлеченной из печи.

– Спасибо, что пришли, – произнес мужчина на правильном французском.

Кристофер пристально рассматривал собеседника. Правильно ли он поступил, что согласился на эту встречу?

Получив странный звонок, он хотел предупредить Сару, что некий журналист Томас Хольм хочет расспросить его о ней. Но потом подумал, что сейчас не стоит ее отвлекать. И очень скоро любопытство взяло верх над осторожностью.

Не то любопытство, которое вас дразнит и манит в течение мгновения, а то, что сидит где-то глубоко в вас и лукаво придумывает извинения для вашей совести, чтобы та уступила искушению.

Так что Кристофер направился на встречу, убедив себя в том, что хочет как можно лучше информировать Сару о нависшей над ней журналистской угрозе.

Он сел напротив своего таинственного гостя, стараясь выглядеть непринужденным и надеясь как можно лучше скрыть терзавшее его лихорадочное возбуждение.

– В обычное время я бы с удовольствием пожал вам руку, – заявил он. – Но, как вы понимаете, в вашем демарше есть что-то раздражающее и подозрительное. А посему...

– Понимаю. Я уже оценил смелость, которую вы проявили, придя сюда.

Кристофер мысленно улыбнулся, узнав одно из главных правил расследовательской журналистики: польстить нерешительному собеседнику, чтобы преобразовать его чувство вины в гордость. Выставить его героем, в то время как сам он считает себя предателем.

– Я вас слушаю, – произнес Кристофер.

Томас Хольм посмотрел на него через толстые стекла очков с некоторым восхищением.

– Я читал много ваших военных репортажей, в первую очередь, из Косова, и должен сказать, что у меня никогда не хватило бы духу отправиться за материалами, которые вы достали.

Еще одна лесть, подумал Кристофер, вежливо кивая.

– Я также читал вашу лекцию о подлогах в истории и науке, – добавил журналист. – Блестяще, особенно о мошенничестве в астрологии. А сейчас я читаю вашу новую работу «Детали, которые меняют всё», дошел до середины, до того места, где вы объясняете, что такая вер-

шина христианского искусства, как потолок Сикстинской капеллы, в действительности является гимном сексуальности вообще и гомосексуальности в частности.

– Я сейчас пишу следующую, которая называется «Почему Томас Хольм интересуется Сарой Геринген», – устало перебил его Кристофер.

Журналист нервно дернул правым плечом, как будто его туда укусило какое-то насекомое, поправил очки и посмотрел в свою чашку кофе.

– Да, да, вы правы, перейдем к делу. Но сначала позвольте мне задать вам последний вопрос.

Кристофер вздохнул, поудобнее устраиваясь в старом кресле, обитом потрескавшейся кожей.

– Как получилось, что вы ничего не опубликовали по «делу пациента 488»? Как талантливый репортер и непосредственный участник событий, вы должны были бы создать совершенно исключительный документ!

Этот вопрос ему задавали не в первый раз. Кристофер обычно отвечал, что именно его слишком большая вовлеченность в эту историю не позволяла ему быть объективным свидетелем. И, кроме того, он не готов был ворошить столь тягостные для него воспоминания. Все, кто знали тайны их расследования, были мертвы. Только Кристофер и Сара знали, что скрывал пациент 488, но они поклялись никогда не раскрывать правду.

– Зачем вы меня позвали? – спросил Кристофер, которого уже поджимало время.

– О'кей, о'кей. Поверьте, у меня нет никаких недобрых намерений в отношении вашей подруги. Я просто хочу прояснить некоторые детали ее блестящей карьеры. Точнее выражаясь, после «дела пациента 488» Сара Геринген стала звездой, жизнью этой женщины, национальной героини, заинтересовались все норвежские газеты. Пресса расспросила некоторых благожелательно настроенных по отношению к ней коллег, которые описали ее как потрясающе эффективного работника. В большинстве своем мои собратья по перу повторили ее хвалебную биографию, предоставленную пресс-службой полиции Осло...

– Да, я понял. И что? – спросил Кристофер, который не хотел участвовать в обсуждении этой халтурной журналистской работы.

– Так вот, я перешел на фриланс, поскольку директор моего издательства не пожелал финансировать расследование о женщине, героизм которой все прославляли. И у которой к тому же совершенно невозможно было взять интервью.

– Так вам нужно взять у Сары интервью? – разочарованно спросил Кристофер.

– Нет! – отрезал Томас, помахав рукой над чашкой в знак отрицания. – Я знаю, что она очень занятой человек.

– В таком случае вы хотите, чтобы я вам все о ней рассказал, так? Под предлогом, что мы с вами коллеги?

– Тоже нет. В действительности я хотел бы поделиться с вами одним фактом... назовем его – смущающим, в расследовании, которое я в течение года пытаюсь вести в отношении мадам Геринген.

Кристофер хотел попросить его поторопиться, но Томас опередил его и спокойно поднял руку.

– Я уже подхожу к сути. Только для того, чтобы вы меня поняли, расскажу об одном моменте, который и запустил мои поиски. Когда я прочитал все статьи о мадам Геринген, я увидел портрет женщины, преданной своему делу, обладающей блестящим интеллектом и прекрасной физической подготовкой. Цельной натуры, труженицы, хладнокровной и справедливой. Военнослужащей, воевавшей до 2012 года в Афганистане, а потом, после прохождения психологической реабилитации, в специализированном горном центре в Хемседале, перешедшей на службу в полицию, где отличилась в первых же расследованиях. Короче, биография без провалов и темных пятен.

Томас смотрел на стол перед собой так, словно собирался вколотить в него следующие свои слова.

– Не каждый способен выдержать то, что выдержала эта женщина, не каждый сможет преодолеть все те опасности, которые преодолела она, в этом нет ни тени сомнения! Я в этом убежден. Я хочу сказать: можно быть смелым, волевым. Но, судя по тем выводам, которые можно сделать, анализируя доступные материалы по делу, именуемому «делом пациента 488», ее смелость была просто самоубийственной. Этого никто не заметил, во всяком случае, не решился сказать.

Томас посмотрел, какой эффект произвели его слова на сидевшего со смущенным видом Кристофера, но тот не собирался с ним спорить. То, что Сара сделала для него и Симона, действительно граничило с самоотречением.

– К чему вы клоните?

– Я захотел узнать, в каком состоянии она прибыла на свою «реабилитацию» от последствий «Афганского синдрома», как они это называют. Находящийся в Осло Норвежский центр исследования насилия и посттравматического стресса подтвердил мне, что Сара Геринген действительно находилась некоторое время в их центре в Хемседале. Я отправился на место. Этот центр оказался чем-то вроде спа-отеля, расположенного вне туристической зоны. Психологи, спорт, релаксация, круглые столы. Детали я опускаю, но в конце концов я добился встречи с директором, и тот мне тоже подтвердил, что Сара Геринген была в числе его пациентов, что она быстро восстановила душевное равновесие и избавилась от всяческих проявлений посттравматического стресса.

Кристофер посмотрел на настенные часы кафе. Меньше, чем через двадцать минут он должен будет представляться своему новому главному редактору, и у него все больше усиливалось впечатление, что он зря теряет время. Страх опоздать в первый же день смешивался с тревогой за состояние Симона, и еще эта угроза относительно прошлого Сары, которая все никак не раскрывалась, истощили его терпение.

– Даю вам шестьдесят секунд на то, чтобы изложить все, что мне стоит выслушать. Ясно?

Кристофер подался вперед, наставив на собеседника указательный палец. Тут он заметил, что посетители вокруг начинают косо на них посматривать.

Понимая, что увлекся, он поправил пиджак, недовольный собой за то, что потерял хладнокровие, и мысленно задаваясь вопросом, как Саре удастся оставаться спокойной в любой ситуации. Во всяком случае, в профессиональном плане.

– Действительно, вы, должно быть, сказали себе, что в этом нет никакой проблемы, – продолжил Томас спокойным голосом. – Я тоже уже готов был бросить мои поиски. Вот только, вернувшись домой, я обратил внимание на то, что даты пребывания мадам Геринген в этом центре, которые мне сообщил его директор, отличались от тех, что мне сообщили в полицейском управлении. Разница была в несколько дней. Когда я перезвонил директору, он смутился и сказал мне, что правильными следует считать даты, названные в полиции, что у него слишком много дел и он ошибся. Я попросил его проверить по своему архиву. Он обещал перезвонить мне, чтобы все подтвердить. И не перезвонил. Когда мне удалось снова с ним связаться, его тон совершенно переменился. Он посоветовал мне перестать копаться в жизни порядочных людей и пригрозил заявить на меня в полицию за то, что я его якобы преследую.

Кристофер взглянул на свои часы.

– Тридцать секунд, месье Хольм...

Но журналист не заторопился. Он покачал головой и, глядя в глаза Кристоферу, продолжил свой рассказ:

– Только после этого случая я начал искать по-настоящему. Я две недели следил за пятью медсестрами Хемседалского центра. От места работы до дома. Из пяти я наметил ту, у которой было больше финансовых проблем... и подкупил ее.

Кристофер недоверчиво прищурил глаза.

– Да, знаю, – бросил Томас, махнув рукой. – Я предложил ей 5 тысяч крон за ответ на вопрос, как проходила реабилитация Сары Геринген. Она ничего не захотела мне сказать. Я поднял цифру до 10 000 крон, и тогда она смутилась так сильно, что я даже не ожидал, и призналась мне, что Сара Геринген никогда не была в их центре.

Кристофер оторвал взгляд от своего хронометра. Его мозг вдруг пронзила молния сомнения.

– Возможно, она была не в ее отделении, и та ее просто не видела. Это ничего не доказывает.

Томас Хольм пригладил волосы, которые от этого ни на миллиметр не изменили положения. Казалось, он колеблется, стоит ли рассказывать дальше.

– Я тоже так подумал, но моя свидетельница призналась, что им велели подтверждать прессе факт пребывания мадам Геринген в их заведении, если они не желают потерять работу.

Кристофер потер лоб, его лицо выражало сомнение. Он выжидал, прежде чем высказаться.

– Короче, весьма вероятно, что нога инспектора Сары Геринген никогда не ступала в Хемседал, – заключил Хольм. – Возникают два вопроса. Почему нас хотят уверить в обратном? И где на самом деле она находилась в это время?

Кристофер выдержал вопросительный взгляд журналиста.

– Послушайте, если Сара действительно не была в этом центре, то, возможно, потому, что вела какое-нибудь расследование под прикрытием, возможно, выполняла важное правительственное задание, которое должно остаться в тайне. Но я вас знаю, вы уже выдумали целый заговор, зловещую тайну, которая подтвердила бы ваши гипотезы о существовании закулисных сил, не так ли?

Томас Хольм поправил очки и наморщил нос.

– Честно говоря, я и сам не знаю. Но если бы ваша подруга не была возведена в ранг национальной героини, я бы никогда не заинтересовался ею. Так вот, я отказываюсь поддерживать миф, основания которого не поддаются проверке. Как вы говорите, причины ее отсутствия и лжи вокруг него могут иметь вполне благопристойное объяснение. А если это не так?

– Чего вы хотите от меня?

– Я хочу знать правду об инспекторе, а вы, возможно, захотите узнать правду о своей подруге. Ведь никогда не знаешь, с кем делишь свою жизнь. Хотя, конечно, вам она могла рассказать обо всем этом раньше и для вас все ясно.

Ясным Кристоферу было только одно: ему впервые в жизни хотелось садануть кому-то кулаком по физиономии. Он был зол на Томаса Хольма. Потому что Сара никогда не рассказывала ему про этот эпизод с реабилитационным центром. Но ведь она не раскрывала ему всю свою жизнь во всех подробностях и в мельчайших деталях.

А теперь он просто обязан будет попросить Сару сказать правду и тем подвергнуть их пару опасности конфликта.

Слишком потрясенный, чтобы ясно соображать, Кристофер встал и слишком поздно осознал, что протягивает собеседнику руку. Тот не упустил случай.

– Вижу, теперь вы мне доверяете. Я это оценил. Я получу от вас известия?

В данную секунду Кристофер действительно не знал этого.

Он вышел из-за стола и покинул кафе, с неприятным предчувствием думая о том моменте, когда с невинным видом спросит Сару, как прошла ее «реабилитация» в Хемседале.

Глава 11

В палатке, служившей полицейской зоной отдыха и столовой, Сара прокрутила на экране служебного смартфона длинный текст. Едва выйдя из палатки медэксперта, она связалась с Йенсом Бергом, министром внутренних дел, и уговорила его выслать ей досье секретных служб на Катрину Хагебак.

Она нашла там несколько фактов употребления марихуаны лет двадцать назад, участие в возрасте двадцати семи лет в создании помех работе зоопарка и запирании его директора в клетку с лемурами и, наконец, жалобу против нее за оскорбление нравственности, поскольку она, в тот момент мэр города Хамар, пришла на открытие церкви без лифчика. Что же касается личной жизни, секретные службы не обнаружили никаких данных о ее связи ни с одним мужчиной и ни с одной женщиной. Единственным родственником Катрины был Мариус Хагебак, ее отец, лежавший в больнице.

Также Сара нашла список политических противников премьер-министра и попросила Хауга в первую очередь допросить лиц, вошедших в него. Помимо этого, в досье не содержалось никакой информации, которая могла бы помочь направить расследование в верном направлении.

Она положила телефон в карман, доела сэндвич с тунцом и, не поморщившись, допила чашку холодного кофе.

– Можно подумать, небо знает, что тут происходит, – бросил один военный, входя в палатку. – Уже девятый час, а можно подумать, что не больше трех часов утра. Хуже, чем в Осло!

Сара посмотрела в окно из прозрачного пластика и увидела лишь серую тяжелую массу полярной ночи.

Военный забросил автомат за спину, налил себе кофе, залпом выпил его и вышел из палатки.

Меньше чем через восемь часов министр внутренних дел начнет свою пресс-конференцию, а у Сары не было даже намек на след, который можно было бы ему представить. Хотя бы только для того, чтобы успокоить население и что-то сообщить другим государствам.

– Инспектор Геринген, – раздался в динамике рации мужской голос.

Сара узнала Геральда Мадкина, высокого полицейского из научно-криминалистического отдела, изучавшего следы крови на дорожке и в прихожей дома.

– Мы можем представить вам заключение.

Сара сказала, что уже идет, со звонким скрипом застегнула молнию своей парки и подняла полог палатки, чтобы выйти. Ее снова хлестнул ветер, гнувший порывевшую траву и заставлявший недовольно морщиться лица идущих ей навстречу людей.

До палатки экспертов было метров тридцать, и Саре удалось всего несколько мгновений подумать о Кристофере, который как раз в этот момент должен был входить в свой новый кабинет. Она надеялась, что он не обидится на то, что она лишь подумала о нем, а не отправила сообщение из-за недостатка времени.

– Слушаю вас! – бросила Сара, едва шагнув через порог палатки экспертов.

Геральд Мадкин и еще трое сотрудников его отдела сидели, склонившись над электронными микроскопами.

– Экспресс-тест нам сразу показал, что часть крови на паркете в прихожей не принадлежит человеку. Более детальный анализ показал, что эта кровь принадлежит парнокопытному подсемейства Бычьих, конкретно: быку, голову которого вы нашли. Эта бычья кровь сосредото-

точена в меньшем круге «восьмерки», образованной на полу. Другой круг состоит исключительно из крови жертвы, Катрины Хагебак. Иными словами, первоначально картина преступления должна была выглядеть примерно так.

Эксперт протянул Саре рисунок, на котором изобразил фигуру Катрины Хагебак, лежащей ничком на паркете в прихожей своего дома, и бычью голову, положенную прямо перед ней.

– Полагаю, вы обнаружили в кроватной дорожке от двери дома до края скалы следы крови быка? – уточнила Сара, чтобы быть полностью уверенной в своем выводе.

– Совершенно верно. Мы обнаружили кровь Катрины Хагебак и животного. Только их двоих. Нет никаких сомнений, что жертва дотащила голову быка от дома до скалы.

И это после того, как мучитель оставил ее на месте, посчитав мертвой, мысленно закончила Сара и взяла рацию.

– Триммер, перенесите тело Катрины Хагебак и бычью голову в прихожую дома.

– Прямо сейчас?

Даже не потрудившись ответить, Сара бросилась к дому премьер-министра.

Десять минут спустя труп Катрины Хагебак снова плавал в собственной крови, лицом в паркет, с несколькими ранами в задней части черепа. А там, где большая лужа крови сужалась, в нескольких сантиметрах впереди, лежала бычья голова.

«Вот в каком виде убийца оставил свою жертву, сочтя ее мертвой», – подумала Сара, фотографируя сцену на камеру своего телефона.

– В этот момент у нее уже был в руке мел? – спросила Сара.

– Возможно, – ответил за ее спиной Геральд Мадкин. – Я забыл вам сказать, что мы нашли на траве следы мела, смешанные с бычьей кровью, а также на его правом роге. Так что мел уже был приклеен к руке жертвы, когда она перемещалась к краю скалы.

Вот и сложилась полная картина: Катрину Хагебак заставили раздеться и встать на колени. В этот самый момент убийца допустил ошибку, надавив голой рукой на плечо премьер-министра. Затем он несколько раз ударил ее по голове мечом. Она упала на пол рядом с бычьей головой. До того или после он приклеил кусок мела к ее ладони.

Эта мизансцена была выполнена с соблюдением некоего символического ритуала, но Сара не понимала его значения.

– Должно быть, она очнулась вскоре после ухода убийцы, – предположил Триммер. – В противном случае она умерла бы от кровопотери. Возможно даже, что она притворилась мертвой в присутствии своего убийцы.

Она поняла, что не выживет и что обстоятельства ее смерти станут предметом расследования, мысленно договорилась Сара. В агонии она потащила бычью голову к обрыву, чтобы сбросить ее вниз. Уже на пороге смерти вспомнила руки убийцы на своих плечах, в момент, когда он ее истязал. И в последнем приливе гнева стала царапать свою кожу, пока не содрала ее, чтобы стереть отпечатки, которые помогли бы нам найти ее убийцу. И умерла.

Впервые за свою практику, а возможно, впервые за всю историю криминалистики, Сара имела дело с жертвой, которая сделала все, чтобы уничтожить улики, позволяющие изобличить и покарать ее убийцу.

Судя по лицам экспертов, знакомых с ходом расследования, все они пришли к тому же необъяснимому выводу: последние мгновения жизни Катрина Хагебак посвятила тому, чтобы скрыть того, кто ее убил.

Потрясенная, Сара вышла из дома, чтобы подышать свежим воздухом. Она направилась к обрыву скалы, снова шагая вдоль кровавого следа, оставленного премьер-министром. Перед ее мысленным взором вновь встал образ этой женщины, ползущей голой по обледеневшей траве и тащащей бычью голову.

Дойдя до края обрыва, она некоторое время смотрела на серое море и обратила внимание на то, что уже не видит берега Вардё, скрытого странным полумраком, более непроницаемым, чем посреди ночи.

Она вызвала Николая Хауга, который как раз находился на материке и проинформировала его о том, как они реконструировали сцену преступления, а потом отправила ему сделанные на телефон фотографии.

– Поищите в национальных и иностранных архивах данные обо всех убийствах с подобной мизансценой: бычья голова, череп пробит сзади, в руке мел. И не бойтесь углубляться в далекое прошлое.

– Со мной связались из полиции Осло. Они предоставляют в наше распоряжение все свои силы и средства. Я скоординирую с ними поиски по этой реконструкции и буду держать вас в курсе.

– Скажите им, чтобы связались со мной напрямую, я хорошо их знаю, так дело пойдет быстрее. Я предпочитаю, чтобы вы по-прежнему занимались допросами близких премьер-министра. Кстати, как у вас идут дела?

– На данный момент все опрошенные мною лица представили железные доказательства того, что за последние двадцать четыре часа не посещали остров. Что же касается отца Катрины Хагебак, он уже два дня находится в коме. Я буду держать вас в курсе развития событий.

Сара поблагодарила Хауга и нажала на «Отбой».

– Инспектор Геринген!

Это прибежала полицейская-француженка, Эмили Шар-ран.

– Записи раций охраны. Вы можете их прослушать.

Сара резко обернулась.

– Вы их слышали?

Эмили Шарран кивнула.

– И что там?

Полицейская заколебалась, ей явно было не по себе.

– Произошло нечто странное.

Глава 12

– Где я могу их прослушать?

– Я расположилась в доме, на втором этаже, там не так шумно, – уточнила сотрудница полиции.

Обе женщины пошли в направлении резиденции премьер-министра, и Сара почувствовала, что Эмили Шарран стала более энергичной, чем была при их первой встрече. Как будто ответственность придала ей уверенности в себе.

– Скажите мне, что вам показалось странным?

– Катрина Хагебак вела себя абсурдно, когда один из телохранителей пытался увести ее в безопасное место...

– То есть? – спросила Сара, пропуская Эмили вперед себя на ведущей к дому дорожке.

– Судя по тому, что я поняла, Катрина Хагебак отка...

В воздухе сухо щелкнули три выстрела, и из горла Эмили брызнула кровь, попавшая на щеку Сары.

– Ложись! – крикнул кто-то сзади.

Сара схватила Эмили за плечи и уложила на землю в тот момент, когда над их головой затрещала автоматная очередь.

Сара едва успела заметить силуэт вооруженного мужчины, который скрылся за изрешеченной пулями стеной дома. Она обернулась и увидела, что военный, который спас ей жизнь, бежит к ней.

– Нас атаковали! – орал он.

Вдали прогремели новые выстрелы. Стреляли отовсюду.

Затем послышались панические крики.

Опять очередь – и бегущий военный тоже рухнул на землю, раненный в ногу. Он едва успел повернуться, чтобы увидеть в пятнадцати метрах от себя нового нападающего, который поднимал автомат, чтобы добить его.

Но первая пуля, попавшая нападающему в ногу, швырнула его на землю, а вторая разнесла ему челюсть.

Сара убрала свой пистолет в кобуру, затем подхватила Эмили Шарран под мышки, втащила в дом и уложила на бок, чтобы она не захлебнулась собственной кровью.

Сотрудница полиции была ранена в грудь, руку и горло, откуда хлестала струя крови. С лицом искаженным от страха и боли, она искала во взгляде Сары подтверждения, что это происходит не на самом деле.

– Все будет хорошо, Эмили, здесь много врачей, – шептала Сара, срывая с себя парку, а затем свитер, который она прижала к ране на шее сотрудницы полиции.

Перестрелка возобновилась в нескольких метрах сзади. Сара снова выхватила свой пистолет, но двое военных раньше ее прикончили еще одного стрелка, вооруженного автоматом Калашникова. Сара воспользовалась передышкой, чтобы взять рацию.

– Группу скорой помощи немедленно к двери дома!

Сара знала разрушительную силу пуль Калашникова. Входя в тело вращаясь, они пронизывали его, разрывая органы и вызывая повреждения серьезнее, чем пули более крупного калибра. Действовать надо было быстро.

– Эмили! – уговаривала она, не переставая зажимать рану. – Эмили! Не закрывайте глаза! Врачи вас спасут!

Сара говорила, прислонившись спиной к стене и внимательно всматриваясь в окрестности, она тоже была в шоке. Что это было? Кто эти люди? Сколько их? Прозвучали новые выстрелы, и в воздухе повисла зловещая тишина. Даже птицы и те смолкли. Только море, насмехаясь над драмой, равнодушно продолжало свою заунывную песню. Потом послышались крики, тишину разорвали приказы. Вдруг из-за бугорка появилась фигура, бросившаяся к Саре. Та направила на нее свой НК Р30 и лишь в последнюю долю секунды успела остановиться и не нажать на спусковой крючок.

– Это я! – бросил Триммер, не сводя глаз со ствола оружия.

Сара опустила пистолет, и медэксперт опустился на колени рядом с Эмили, открывая свою сумку с комплектом для оказания экстренной помощи.

– Я видел: один из них притаился за домом, – шепнул он Саре, разворачивая кислородную маску.

Сара посмотрела вокруг, нет ли солдата или полицейского, который мог бы их прикрыть, но единственный вооруженный человек, которого она увидела, делал массаж сердца лежащему на ледяной земле раненому.

Прятавшийся за домом человек мог в любой момент выскочить из укрытия и изрешетить их очередью из своего АК-47. Сара поднялась.

– Спасите ее, – шепотом попросила она, сжав плечо мед-эксперта, напуганного серьезностью ран эксперта.

Оставшаяся в одной майке, Сара, держа пистолет на уровне лица, осторожно двинулась вдоль стены дома.

Она осторожно заглянула за угол и тут же отпрянула. По углу стены хлестнула очередь примерно из десяти пуль.

Выставив за угол руку, она выстрелила вслепую. Ответ состоял из еще одного десятка пуль.

Сара изо всех сил бросилась назад, промчалась мимо Триммера и Эмили, обогнула дом с другой стороны и снова выстрелила. Ответная очередь, оказавшаяся короче, чем предыдущие, выбила у нее из руки пистолет и чуть не оторвала палец. Но она услышала сухие щелчки, чего и добивалась: нападавший расстрелял весь магазин на тридцать патронов.

Она выскочила на открытое место и бросилась на стрелка, стоявшего метрах в десяти от нее. И тут с ужасом увидела, что он изолентой примотал второй магазин к первому, чем заметно сократил время на перезарядку автомата. Резко прибавив скорости, она добежала до противника в тот самый момент, когда он, направив на нее ствол, нажимал на спусковой крючок.

Сара схватилась левой рукой за ствол, чтобы отвести его от себя, а ногой ударила противника по коленной чашечке. Пули под оглушительный треск пролетели возле ее виска, а стрелок, завопив от боли, потерял равновесие.

Сара хотела ударом в ухо вырубить его, но мужчина ловко парировал рукой. Он быстро поднялся и подсечкой попытался свалить Сару с ног, но та уклонилась и ответила нисходящим ударом кулака в солнечное сплетение.

Задыхаясь, мужчина отступил, скрючившись, а Сара отвесила ему удар ногой в живот, от которого он отлетел на два метра. Послышался хруст ломаемой кости, и неизвестный замер, разбив затылок о выступающий острый камень.

Подбежал запыхавшийся полицейский, взявший стрелка на мушку.

– Ранены? – спросил он Сару.

– Приведите его в чувство! – бросила она, указывая на убийцу, и побежала к двери в дом.

Триммер по-прежнему был рядом с Эмили, но манипуляции, которые он производил с нею, заставили Сару застыть на месте.

Сосредоточенный, тяжело дыша, он делал массаж сердца, обнажив грудь женщины. Подбежали двое вспотевших военных, державшие автоматы стволом вниз, а указательный палец на спусковом крючке.

– Остров под контролем, инспектор. Во всяком случае, других нападавших не обнаружено. Проводится эвакуация раненых.

Сара не могла отвести взгляд от тела Эмили, пребывавшей между жизнью и смертью.

– Каковы будут ваши приказы? – настаивал один из автоматчиков.

– Какие потери с нашей стороны?

– Один солдат убит, трое сотрудников экспертно-криминалистического отдела полиции получили незначительные ранения, один полицейский в критическом состоянии, Карл ранен в ногу, – добавил он, показывая на бойца, лежавшего в нескольких метрах дальше, – и...

Военный опустил взгляд на Эмили Шарран.

– Кого-то из нападавших удалось взять живым? – спросила Сара, наблюдавшая затаив дыхание за массажем сердца.

– Нет.

– Сколько их было?

– Четверо, с тем, которого вы... обезвредили.

– Известно, кто были эти люди?

– Они говорили по-русски, мадам. Несколько раз выкрикнули «Россия для русских!». И у всех на шее татуировка 88.

Сара знала этот знак русских неонацистов – повторение восьмой буквы латинского алфавита H, что означало *Heil Hitler*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.